

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*В её сердце  
акварель*



Глеб Трофимов

Юлия Климова

**В ее сердце акварель**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Климова Ю. В.**

В ее сердце акварель / Ю. В. Климова — «Эксмо», 2018 — (Глеб Трофимов)

ISBN 978-5-04-094775-1

Восемнадцатилетняя художница Олеся отправилась в деревенскую глушь, чтобы выполнить долг перед дальним родственником, помогавшим девушке долгие годы. Олеся ждут два таинственных дома, похожие друг на друга как две капли воды, семейные скелеты в шкафу и вопросы, так и не получившие ответов. А еще странный мужчина, жизнь которого благодаря неким обстоятельствам целиком зависит от счастливой улыбки этой рыжей девчонки.

УДК 821.161.1-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094775-1

© Климова Ю. В., 2018  
© Эксмо, 2018

## Содержание

Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# Юлия Климова

## В ее сердце акварель

© Климова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

\* \* \*

*Чем меньше слов, тем больше будет чувства.*  
*У. Шекспир «Сон в летнюю ночь»*

Беззаботная, уверенная в своих действиях букашка торопливо перебирала лапками, преодолевая одно препятствие за другим. Позади остались тощая трухлявая береза, еще крепенькая прошлогодняя шишка, мятый дырявый целлофановый пакет, влажная кучка желто-коричневых еловых иголок, изогнутая шершавая ветка рябины, увешанная дождевыми каплями, острые копыта-травинки и многое другое. Масса впечатлений! К тому же можно гордиться собой: путь долгий, тернистый – не каждый справится. К сожалению, холодно и сыро. Летом, конечно, будет полегче, а пока – май месяц.

Букашка спустилась к земле, обогнула молоденький дубок, пробежала по пожухлым листьям, взобралась на стебелек, прыгнула и... ощутила под лапками тепло. Неведомая гигантская сила подняла ее вверх, затем опустила, вновь подняла и опять опустила.

Что это?

Привычные запахи леса мгновенно улетучились, теперь пахло чем-то другим: терпким, удушливым и странным... Запаниковав, букашка сначала попятилась, а затем, мечтая поскорее миновать опасный участок пути, рванула вперед, но мощный поток горячего воздуха подхватил ее и отшвырнул обратно – к молоденькому дубку.

«Я лечу!» – автоматически подумала букашка, надеясь приземлиться на сочный зеленый лист или целлофановый пакет, но только не на прошлогоднюю шишку!..

Глеб очнулся от продолжительной щекотки. Такое ощущение, будто глупое многоногое насекомое залезло в нос и, недолго думая, твердо решило пробраться к мозгу (и плевать этой скотине, что дороги туда нет!). Шумно выдохнув, не двигаясь, Глеб открыл глаза, перевел взгляд с сухого лишайника на пучок травы и мысленно выругался. Он уже давно не удивлялся – на небе и на земле не осталось ничего нового, – но реальность все же заставила брови приподняться, а в голове пронеслась быстрая цепочка слов: «Нет, нет... мы так не договаривались...»

Глеб лежал на земле, ровно дыша, прижавшись щекой к влажным листьям, с раскинутыми руками и ногами (морская звезда, да и только), а кругом шумел лес, ползали букашки, плели паутину пауки, жужжали мухи, перекрикивались птицы... Осознав это, уловив ноющую боль в онемевшей шее и пульсирующем ухе, Глеб перевернулся на спину, согнул правую ногу и прищурился. Вековые сосны, устремляющиеся к облакам и солнцу, хранили молчание, их совершенно не интересовало, откуда в их лесу появился человек, что ему нужно и какое у него настроение. А настроение у человека было паршивое, и если бы не слабость, поселившаяся в каждом позвонке, он бы резко встал и с удовольствием витиевато и многократно проклял бы каждый куст в округе.

– Что вы со мной сделали?! – крикнул Глеб в небо. – Какого черта?! Эй! Вы меня слышите?! – Вопросы не обрели форму, не взлетели и не устремились к адресату, в воздухе от них не осталось даже полупрозрачного облачка. Осторожно поднявшись, растерев шею и поморщившись, Глеб осмотрелся и добавил тихо, но с долей злости: – Без сомнения, слышите и, безусловно, радуетесь...



Поддав ногой корягу, он схватился за поясницу, согнулся, выпрямился и неожиданно почувствовал себя лучше: перестали рябить деревья, звуки уже не казались столь болезненно-оглушительными, и непослушное тело теперь не качало из стороны в сторону.

– «Пять минут – полет нормальный», – прокомментировал Глеб и посмотрел на пыльную зеленую бутылку, валяющуюся рядом со старым пнем. Да, он бы сейчас выпил чего-нибудь крепкого, согревающего и съел бы хороший кусок мяса, обсыпанный черным молотым перцем. С хлебом. – Узнаю грешную землю, – с иронией произнес Глеб, небрежно стряхнул с рукава серой рубашки прилипшую грязь, расстегнул пуговицы и с удовлетворением обнаружил на себе любимую черную футболку. – Так-то лучше, хотя от теплого свитера я бы сейчас не отказался...

Не имело значения, в какую сторону идти: объяснение происходящего найдет его и в поле, и в болоте, и на дороге, которая, возможно отыщется в самое ближайшее время. Глеб глянул налево, направо и прислушался, но уже не к неутомимой природе, а к себе. Улыбка тронула губы, глаза блеснули: что ж, он по крайней мере не безоружен...

Рука сама потянулась к заднему карману джинсов – Глеб достал паспорт и банковскую карточку.

– Какого лешего?... – тихо произнес он и присвистнул. Что бы это значило? Он же здесь ненадолго, правда? Максимум три дня, а дальше – как обычно: вперед и с песней! Но паспорт, карточка... Глеб убрал и то и другое обратно в карман, потер заросший подбородок, поднял голову и крикнул: – Каюсь, был не прав, погорячился! Долго мне еще торчать в этих джунглях?!

Он вовсе не ожидал ответа; к тому же ситуация начинала забавлять, даже любопытно стало: сколько ему придется таскаться по лесу и «думать над своим поведением»? Память прекрасно сохранила все недавние события, но разве кто-нибудь мечтает что-то исправить?

«Уж точно не я».

Глеб развел руками, хлопнул ладонями по бедрам, осмотрелся в последний раз и медленно двинулся в сторону сосен. Темно-русые волосы находились в беспорядке, борода устала, широкая мягкая рубашка болталась, зато черные потертые джинсы сидели идеально. Грязь на них хотя и присутствовала, но была незаметна.

«Какого лешего, говоришь? Похоже, я и есть леший», – самодовольно улыбнулся Глеб, сорвал листок с куста, сунул в рот, разжевал, выплюнул и поморщился:

– Отрава.

«Вроде становится ясно, зачем паспорт... Чтобы лет через сто многоуважаемые археологи смогли опознать мои жалкие останки. Глеб Андреевич Трофимов. Бесславно скончался в дремучем лесу в возрасте тридцати девяти лет в... А вот тут неувязочка выйдет. В каком же году я помер? Голову сломаете, братцы!»

Глеб хохотнул, взял левее, споткнулся о корень, торчащий из земли, чертыхнулся и продолжил путь.

«Природа... Цветы, березки... Каждая хрень на своем месте... Красота!»

Шум в ушах то появлялся, то исчезал, от него хотелось отмахнуться, как от назойливой мухи, однако Глеб не обращал особого внимания на помеху – у него обострились зрение и чутье, а это куда важнее. Вспыхнувший азарт уже шел с ним в ногу: подгонял, дразнил, волновал, заставлял щуриться и выискивать следы человека. Пустая бутылка – это хорошо, но лучше бы обнаружить дорогу или для начала тропу. Узкую, извилистую, истоптанную...

Глеб миновал плотные заросли орешника, проигнорировал ветку, хлестнувшую по щеке, поднял руки и пролез сквозь несколько рядов больших и маленьких елок. Он прошел около трех километров и только тогда, вновь испытывая короткие приступы злости и раздражения, увидел дом.

– О! – изрек Глеб, остановился, сунул руки в карманы и, будто скульптор, изучающий свое творение, наклонил голову набок. – Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к

лесу задом. – Но дом не подпрыгнул, не подхватил фундамент, точно барышня юбки, и не изменил своего положения. – Какая жалость. Избушка, похоже, глухая. Эй, подруга, перед-то у тебя нормальный есть?! Хотя с таким задом – вряд ли...

Скользнув взглядом по крыше, стенам и окнам, Глеб произнес многозначительное «нда», обнаружил тропинку и неторопливо, вразвалочку направился к ней.

В доме действительно присутствовала определенная нелепость. Огромный, частично каменный, частично дощатый, с широкими башнями-пристройками, тремя абсолютно разными трубами, узкой лестницей, выглядывающей из-за угла и устремляющейся к массивному балкону, он стоял на поляне, окруженный невысоким каменным забором и деревьями, и производил, как ни странно, впечатление горделивого сооружения.

Несмотря на приближающийся вечер, свет в окнах не горел, но все же дом не был пустым и безжизненным – это Глеб уловил мгновенно. Пройдя по тропинке, он нагло перелез через забор, подошел к лестнице и коснулся потрескавшихся перил. Дорогое благородное дерево, подаренное дождям, ветрам, туманам и снегу...

«Давненько ты здесь стоишь», – подумал Глеб, рассматривая провода, тянущиеся по воздуху от одного столба к другому. Что ж, теперь понятно, куда двигаться дальше. Наверняка за соснами обнаружится деревня или дачный поселок.

– Ну и какой дурак тебя здесь построил? Молчишь? Твое право, только я и сам узнаю.

Прочитать мысли человека без его разрешения невозможно. Старайся, не старайся – не получится. Но если «жертва» даст согласие, тогда другое дело: меньше секунды потребуется на то, чтобы пробраться в чужой мозг и хорошенько прошерстить его. Опа! И ты уже знаешь чьи-то тайны и мечты (попался, голубчик). Правда, не всегда это приносит удовольствие, иногда такая шелуха или дрянь сыплется, что «жертве» хочется открутить башку. Хочется, а нельзя.

Зато с неодушевленными предметами проще – ни у кого не нужно спрашивать разрешения: что сможешь получить, то и твое.

Предчувствуя победу, Глеб широко улыбнулся, сделал несколько шагов, развернулся, прижался спиной к стене, поднял голову, коснулся затылком прохладных серых кирпичей, закрыл глаза и сосредоточился.

Дом не смог устоять перед таким спокойным, уверенным натиском, он позволил чужаку совершить невероятное и отдал те знания, которые тот потребовал.

Сначала темноту разорвал тусклый свет, а затем Глеб увидел немолодую женщину в длинном светлом одеянии. Она, похожая на полупрозрачное привидение, скользила по полу, держа в руке тонкую желтую свечу; огонь дрожал, танцевал, дергал тени и разбрасывал в разные стороны неровные круги. Женщина монотонно зажигала другие свечи, выстроенные на камине, столе, старомодном трельяже и комод. Ее спокойное лицо не выражало ничего, но в душе бушевало пламя, способное спалить и дом, и лес.

## Глава 1

Леся зашла в квартиру, опустив голову и глядя на собственные ноги. Она бы еще зажмурилась, чтобы лишиться себя даже самой маленькой возможности увидеть рисунок линолеума или угол шкафа, но давно позабытые чувства, воспоминания, похожие на желто-фиолетовых бабочек, остановили ее от этого. Память шуршала страницами-крыльями, ерзала, волновала и заставляла улыбаться...

Расклешенная юбка из теплой клетчатой ткани, плотные колготки телесного цвета, высокие черные ботинки с рябыми шнурками и облезлыми мысками. Любимые ботинки. Да, нужно что-то придумать и хоть как-то продлить им жизнь.

«Летом отдохнете, а потом будет осень».

Все так же, не поднимая головы, не совершая лишних движений, Леся прошла на кухню и дотронулась до гладкой спинки деревянного стула. Осторожно придвинув его к себе, села за стол, достала из сумки коричневый кожаный планшет, открыла его, сначала коснулась кончиками пальцев белого листа, а затем – короткого, хорошо заточенного простого карандаша. Матерчатая сумка соскользнула с плеча и почти бесшумно опустилась на пол, теперь она походила на верную собаку, ждущую, когда же хозяйка закончит свои дела и наконец-то обратит на нее внимание.

«Как долго я мечтала об этом дне? Сто лет... Нет, двести или триста».

Интересно, абсолютная самостоятельность имеет вкус, запах, оттенки, форму? Каких углов у нее больше: тупых, прямых или острых? Получится ли перенести ее на бумагу, внимательно изучить, запомнить и прочувствовать?

Леся сжала карандаш и быстро, жадно стала рисовать. Линия пола, угол, потолок, навесные шкафы, холодильник, хлебница, небольшой диванчик, бра... Теперь правее... Обрывается плитка, и начинаются обои. Царапина! Над табуреткой была царапина! Хорошо бы она там осталась...

Как можно любить ремонты?

Какое право имеет краска прятать прошлое – безвозвратно, навсегда? И кому от этого становится легче?

Тюль, и сквозь него – подоконник. Фиалку в горшке рисовать не стоит, ее точно нет...

– Быстрее, быстрее, – шепотом поторопила себя Леся, сделала еще несколько штрихов и остановилась. Вот теперь можно медленно положить карандаш на стол, вдохнуть, выдохнуть и... поднять голову. Девять лет она не была в своей квартире, жила без этих родных и одновременно чужих запахов, без хлебницы и фиалки на подоконнике, без табуретки и царапины, а теперь в кармане лежат ключи, и начинается совсем другая жизнь. По-настоящему взрослая.

Голову Леся подняла решительно. Губы вновь тронула улыбка, потому что желто-фиолетовые бабочки опять вспорхнули в душе, вырвались на свободу и закружили, замелькали по кухне. Косметический ремонт – ерунда, реальность практически не отличалась от рисунка. От прошлого не отличалась.

«Я не забыла, – удовлетворенно подумала Леся и убрала от лица огненно-рыжие волосы. – Я дома».

Жизнь может заставить человека стать грамотным, вьедливым, терпеливым, настойчивым, решительным, аккуратным или ироничным. Кто-то становится добрым, кто-то – злым. С Лесей случилась иная история: она отточила наблюдательность, и это качество тесно переплелось с талантом художника.

Когда же она впервые взяла в руки карандаш? Не просто так, а обдуманно, с острой потребностью перенести на бумагу окружающую действительность, мысли, мечты, желания?.. Когда умер отец и прошли поминки, чувства обострились до предела, и нужно было срочно



начертить вокруг себя ровный квадрат, перешагнуть границы которого никто бы не смог. Запрещено. А углы – в качестве защиты, на всякий случай.

Да, она стала другой после смерти отца.

Не каждой сироте везет с родственниками, Леся же могла похвастаться одной бабушкой, целой армией тетей, дядей и приличной долей седьмой воды на киселе. Может, у ее многочисленной родни и не было бы сплоченности, организованности, но на большом и быстроходном корабле под названием «Наша Дружная Семья» денно и ночно дежурил бессменный капитан – Александра Петровна Жарова. Женщина высокая, крупная, не терпящая возражений и считающая, что мир держится исключительно на ее крепких плечах. Без нее, конечно, дети перестанут ходить в школу, непутевая Ирочка выйдет замуж за мужчину без средств, лысоватый и тощий Сергей Сергеевич бросит принимать лекарства и окажется на больничной койке, невезучая Антонина опять найдет в кармане мужа какой-нибудь компромат, а Зинка бросит педагогический колледж и подастся в артистки, а хуже этого может быть только внебрачный ребенок или развод.

В детстве Леся смотрела на Александру Петровну с любопытством и осторожностью и всегда недоумевала: почему двоюродную тетю слушаются почти беспрекословно? Как так получилось, что на семейные советы, проходящие в квартире Сергея Сергеевича, всегда является большая часть родни и каждый знает, за что его будут песочить, а за что хвалить? Непременный винегрет, консервированные овощи с грядки тети Маши, невкусный салат из рыбы, приготовленный ветреной Зинкой, знаменитые, чуть сладковатые пирожки с мясом Александры Петровны, очень тонко нарезанная и скрученная в трубочки докторская колбаса – обязательное застолье вначале, а потом каждый получает свое, заслуженное. Ссоры случаются, но они рассыпаются и тлеют, стоит только Александре Петровне сдвинуть брови и сверкнуть ее карим глазам.

Леся понятия не имела, сколько двоюродной тете лет, и даже приблизительно не могла установить ее возраст. Сорок? Да, наверное. Сорок пять? Возможно. Пятьдесят пять? Может быть... Полнота Александры Петровны, седая прядь волос над правым ухом, две глубокие морщины на лбу и тяжелый квадратный подбородок увеличивали годы, а кипучая энергия, холеные руки, гордая осанка и яркая одежда – уменьшали. Леся лишь знала, что день рождения тети в ноябре, что покойный муж был младше ее на пять лет, и умирать Александру Петровну в принципе не собирается: «Я еще вас всех переживу, мои дорогие. Должен же кто-то организовывать ваши похороны». И тетя Маша, и Антонина, и Сергей Сергеевич, и вечно недовольный жизнью дядя Андрей, и вся седьмая вода на киселе находились в непоколебимой уверенности: так и будет. Леся не без основания подозревала, что свои похороны они бы никому другому и не доверили.

Сирота. Сколько раз в тот день Александра Петровна произнесла это слово? Раз двадцать, наверное. Девятилетнюю Леську усадили на табуретку в центре комнаты, а кругом – на диванах, стульях и креслах, придвинутых к стенам, – расселись родственники. Она чувствовала на себе внимательные, скучающие, жалостливые, равнодушные, нервные, сочувственные взгляды и понимала, что сейчас четко, громко и даже вдохновенно решат ее судьбу.

– Перед вами сирота, – начала речь Александра Петровна. – И я хочу сказать сразу, ребенок в детский дом не пойдет. Выкормим, вырастим, не сомневайтесь. Стыд и позор нам, если невинное дитя проведет детство без тепла и ласки, в окружении совершенно посторонних людей...

Леська покусала губы, а затем опустила руки и вцепилась в табуретку. Она вовсе не волновалась о будущем, но неожиданно почудилось, будто кругом – океан, и течение несет ее на маленьком хлипком суденышке в неизведанные дали. Дует легкий ветерок, бегут короткие волны, и кораблик раскачивается из стороны в сторону... Мысленно Леська принялась рисовать эту картинку, но потом переключилась на дядю Андрея, поймала в его глазах тоску зеле-

ную и посмотрела на дочку Александры Петровны – ангелоподобное создание по имени Виктория. Девочка сидела рядом со шкафом на мягком стуле, болтала ногой в такт словам матери и неотрывно наблюдала за черной мухой, медленно передвигающейся по круглому столу. Дядя Андрей заерзал, муха улетела, а Вика принялась оглядываться по сторонам, отыскивая новый объект для изучения.

– Опеку я, безусловно, оформлю на себя, но это не значит, что вся ответственность достанется мне. Нет, мои дорогие, за воспитание и развитие ребенка будет отвечать каждый. – Александра Петровна выдержала паузу, поправила бант на кофте и поджала губы, что означало: «Не советую возражать». Взгляд тети остановился на бабе Кате, и Леська тяжело вздохнула – с бабушкой у нее не было душевной близости (как и с любым другим родственником), собственно, они практически не общались. – Екатерина Дмитриевна, – официально произнесла Александра Петровна, – что вы думаете по этому поводу?

– Согласна с тобой, Сашенька, но на меня особо не рассчитывайте, я человек занятой, да и возраст уже сказывается. Сама понимаешь... – сдержанно ответила баба Катя и ласково погладила подлокотник кресла. По ее сухому, еще не испорченному морщинами лицу пробежала тень, уголки тонких губ дрогнули, глаза сузились, и повеяло холодком. Такой холод обычно сопровождается сквозняками – невидимыми, почти неосязаемыми, но способными в нужный момент захлопнуть даже стальную дверь. – На каникулы Олесю взять смогу, но постоянное проживание... Нет, уже не потяну.

Леся знала: бабушка ее не любит. Неприятие, отстраненность, осуждение мелькали в каждом движении и слове. Не стоило задаваться лишними вопросами и гадать: «не нужна» – приговор, оглашенный еще девять лет назад. Но разве Леська виновата, что ее мама умерла через месяц после родов? Да если бы она могла, если бы у нее был хоть какой-нибудь выбор (родиться на белый свет или нет), она бы закусил губу, развернулась и ушла в темноту, где тихо, спокойно и никто не мешает рисовать. Из темноты так легко наблюдать за людьми!

– ...я составлю график, не будем забывать о школе... квартиру я планирую сдавать... надеюсь, вы меня внимательно слушаете... – донесся голос Александры Петровны. – Позже часть денег пойдет на ремонт, а часть – на дальнейшее образование несчастного ребенка... Олеся, не сутулься. Андрей, ты что-то имеешь против?

– Не особо... – буркнул дядя Андрей, вынимая мятый бордовый платок из кармана пиджака. Леська мгновенно отметила схожесть платка с гвоздикой: тот же объем и неровность. Тот же трагизм, потому что этот цветок всегда ассоциировался с тем или иным горем, торжественной печалью или искусственной радостью. – Девочку, между прочим, кормить и одевать нужно. Ремонт – дело хорошее, но и на жизнь денежки понадобятся. – Дядя Андрей многозначительно кашлянул, насупился и, ища поддержки, посмотрел на бабу Катю.

Все одновременно опустили глаза в пол, а Леська, совсем не ожидая от себя подобной реакции, тихо сказала:

– Я много не ем.

Сделав три шага к столу, развернувшись, вздернув подбородок, Александра Петровна ужалила взглядом дядю Андрея и фыркнула:

– Неужели ты полагаешь, что я не подумала об этом? Слава богу, на свете есть человек, готовый решить все финансовые вопросы, связанные с опекой над Олесей. Конечно, никто из вас не ожидал! Никому и в голову не могло прийти!.. – Александра Петровна не справилась с эмоциями, часто задышала, порозовела и, стараясь успокоиться, сделала паузу. Ее переполняли отрепетированные фразы, победные интонации, весомые восклицательные знаки, обязательное превосходство и удовольствие. Но ни в коем случае нельзя было расплескать это богатство – наоборот, его следовало удерживать и преподнести как минимум в золотой чаше.

Леська закрыла глаза и нарисовала Александру Петровну, выделив нос, подбородок и раскрасив щеки ярко-красным. Получился очень живой, но карикатурный персонаж, не добрый и не злой.

Тетя Маша, торопливо застегнув пуговицу вязаной кофты, подалась вперед, дядя Андрей приподнял брови, Зина вытянула губы трубочкой, Сергей Сергеевич сел ближе к Антонине, Вика перестала болтать ногой... Вот она – интрига! Кто же выиграл в конкурсе на самого доброго и щедрого родственника? Кому нужна несчастная сирота Олеся Сотникова – рыжая, зеленоглазая девчонка девяти лет? Сенсация века!

– Можете не гадать, – успокоив волнение, едко и насмешливо произнесла Александра Петровна. – Этот человек – Василий Петрович Дюков. Да, да, наш многоуважаемый Василий Петрович. Я позвонила ему и вкратце обрисовала ситуацию; никаких лишних слов, уговоров – только голые факты!

– И что? – не утерпела Антонина.

– Он сказал «да». – Александра Петровна улыбнулась и наконец-то посмотрела на Лесю. – Он сказал «да», – повторила она и ровно добавила: – А значит, моя дорогая, ты можешь не беспокоиться за свою судьбу.

В комнате повисла недолгая тишина, позволившая оглянуться на прошлое, задержать дыхание и вспомнить позабытое... Почти в каждой семье существует какая-нибудь легенда: красивая или не очень, длинная или короткая, страшная или забавная, невероятная или вполне реальная. События, слова, взгляды, неминуемые последствия, тонкие нити судеб переплетаются, закручиваются, путаются, разрастаются, а затем замирают, оставаясь навсегда загадочной историей без начала и конца. О ней то вспоминают, то забывают, она вызывает то раздражение, то любопытство. Обычное дело. В Лесиной семье легендой являлся Василий Петрович Дюков.

– С его-то богатством и отказать, – завистливо прокомментировал дядя Андрей. – А что же он не приехал? Не снизошел, понятное дело! А давненько я его не видел... Сколько лет?

– Девять, – коротко ответила баба Катя. – Последний раз этот чокнутый старик приезжал, когда родилась Олеся. Мне кажется, он только на рождение детей и появляется: посмотрит и – ширк! – обратно за дверь! Фамилия у Василия Петровича, надо сказать, подходящая: короткая и зловредная. Дюков! – Баба Катя огляделась, надеясь получить поддержку родственников. – Вот ведь точно является, когда кто-нибудь родится. Встанет у кровати, наклонится и смотрит, потом пробубнит под нос, и – только его и видели! Что-то одни девчонки последнее время у нас на свет появляются, – перескочила на другую тему баба Катя и посмотрела на Лесю, будто и в этом была виновата ее нелюбимая внучка.

– Каждый имеет право на свои причуды, – заступилась за «чокнутого старика» Александра Петровна. Она не могла допустить, чтобы светлый образ благодетеля был омрачен хотя бы на каплю. – И вообще-то, он не старик, а уж когда родилась Олеся, Василий Петрович и подавно не выглядел дряхлым.

– Ну да, – не уступила баба Катя. – Бороденка почти вся седая, брови торчком, волосы полгода не стрижены, мешки под глазами и залысины! Его к новорожденным и подпускать страшно, проклянет еще из зависти, и будет потом девчонка с кривым носом ходить или бородавка на лбу появится.

Все взгляды автоматически устремились в центр комнаты – на Лесю. Она буквально почувствовала, как тонкие острые лучи побежали по ее лицу и телу – красные, оранжевые, фиолетовые. Конечно, все знали, что у нее нормальный нос и нет бородавок, но в этот момент и Антонине, и дяде Андрею, и Сергею Сергеевичу, и даже бабе Кате захотелось обязательно удостовериться в этом. И Лесья вдруг поняла, о чем подумал каждый... Есть на ней проклятье. Есть! Сирота, да еще пожар на голове, волосы-то оранжево-красные, за такое раньше на костре сжигали, и путного из нее ничего получиться не может.

Леська с трудом сдержала порыв скрутить волосы в жгут и убрать за спину (да не очень-то они скручивались обычно, разве такую копну запросто усмиришь?).

– Глупости, – небрежно отмахнулась Александра Петровна. – Обеспеченные люди чокнутыми не бывают, мозги у них работают отлично.

Но в голосе тети промелькнула неуверенность, сказанное бабой Катей в большой степени отражало правду. Леська, успевшая впитать многое за свою пока еще недолгую жизнь, в этом не сомневалась. Невероятно, невозможно, немыслимо, но она как будто вспомнила ту минуту, когда над ней склонился неопрятного вида мужчина (немолодой, небритый) и она услышала его голос – тихое отрывистое бормотание, несвязный набор слов, а затем... «Назовите ее Олесе́й». Не мягкая просьба, не дежурное предложение, не участливый совет, а бесцеремонное неожиданное требование, против которого и не выступишь аргументы.

Хотя это воображение сыграло злую шутку... Леся потеряла ладонями колени и покосилась на бабу Катю. Именно бабушка года два назад небрежно обронила на кухне: «Не вы ей имя придумали, не удосужились. Старый дурак сказал, а вы и подхватили». Папа тогда улыбнулся и ответил: «Просто имя ей подошло». Много еще долетало до маленьких, аккуратных Леськиных ушей, какая-то информация растворялась в воздухе, а какая-то занимала полочки в голове.

Василий Петрович жил далеко, отшельником – никого не подпускал к себе и очень редко приезжал к кому-либо в гости. Однако Сергей Сергеевич утверждал, что однажды видел Дюкова на Новом Арбате (около высоченного бизнес-центра) в длинном потертом кожаном пальто и темных очках. «В мою сторону не посмотрел, паршивец. Седой и патлатый!»

Леська даже в своем малом возрасте догадывалась, что большинство собравшихся не прощает «чокнутому старику» одного – равнодушия, и это было удивительно и странно.

– Мы можем подвести итог. – Грудь Александры Петровны поднялась и опустилась. – С сегодняшнего дня судьба Олеси находится в наших надежных руках, девочку ждет достойное будущее.

И в один миг Леся превратилась в кочевника. Как листок, подхваченный порывом ветра, цепляющийся то за куст, то за дерево, то за кривую ножку скамейки (вот она – небольшая передышка!), девочка перемещалась от тети к дяде, от бабушки к великовозрастной троюродной сестре, а от нее уже к двоюродному дяде и так далее, и тому подобное... А дальше – по кругу, по большому родственному кругу, без нарушения четкого графика, кропотливо составленного тетей Сашей (теперь Леся звала Александру Петровну именно так).

Пожитки умещались в небольшом коричневом чемодане – шершавом, с закругленными углами, поцарапанным золотистым замком и основательной металлической ручкой. Еще к имуществу прибавлялись: мешок со сменкой, портфель, набитый тетрадками и всякой канцелярией, и желтая клеенчатая сумка с учебниками. Через год Леська осмелилась попросить на день рождения большую черную папку на молнии, чтобы складывать в нее рисунки и таскать на плече, точно футляр с виолончелью. Это же здорово – представлять себя странствующим музыкантом, повидавшим разные города, с легкостью воспринимающим любую погоду и условия.

При переездах чемодан и сумку, конечно, нес кто-то из взрослых, а остальное Леська с удовольствием нагромождала на себя и шагала вперед, где ее ожидали другая школа, новые одноклассники и учителя. Впрочем, когда круг приключений повторялся, новое становилось старым, а затем уже и привычным.

Больше всего Лесе нравилось жить у спокойной, доброй, мечтательной Ирочки, не требующей абсолютно ничего, но отдающей так много, что и в желудок не поместится, и в коричневый чемодан не влезет (даже если на него встать и попрыгать). Ирочка готовила незамысловатые, но удивительно вкусные блюда, хорошо шила, вязала и всегда, со слов тети Саши, влюблялась не в того парня. Отношения заканчивались традиционно ничем, в квартире замирала тихая грусть, но шли дни, и в голубых глазах Ирочки вновь вспыхивала надежда – зара-

зительная, теплая. Леся впитывала эту надежду; иногда казалось, будто за спиной вырастают маленькие белые крылья, они прячутся под рыжими волосами – и отлично, никому и не нужно их видеть.

Сергей Сергеевич увлекался здоровым образом жизни, поэтому во второй четверти Леся обычно худела и сутулилась. Мышцы спины побаливали из-за жесткого матраса, о внутреннем мире которого не стоило задумываться. Гречка? Солома?.. На завтрак Сергей Сергеевич обязательно заставлял выпить стакан горячей воды, на ужин полагалась мисочка тертой сырой свеклы и два ржаных хлебца. Леська стойко принимала подобный образ жизни, но на продленке за минуту съедала бесполезный обед и потом счастливо вздыхала минимум полчаса.

В квартире бабы Кати всегда стоял холод, поэтому каникулы часто отягощались легкой простудой или кашлем. Бабушка чувствовала себя комфортно в бриджах и футболке, а Леся натягивала свитер и надевала шерстяные носки. «Как в замке Снежной королевы», – думала она и рисовала выюгу, летящие сани, крупного ворона на снегу, маленькую разбойницу и благородного оленя. Рисунки отправлялись в черную папку, где ютились в определенной тайной последовательности и никогда не перемешивались. Леся понятия не имела, как объяснить установившийся порядок хранения, но интуитивно складывала свои сокровища именно так, а не иначе.

Дядя Андрей к воспитанию сироты относился ответственно: «У ребенка должен быть режим, мы выросли на кашах и картошке, а значит, и девочка должна расти на этих продуктах. Уроки... уроки нужно делать до шести. Тройки – это позор. Особенно по физкультуре!» Лесю он называл либо «она», либо «девочка», а хвалил традиционным «молодец, скоро станешь космонавтом». Зато у дяди Андрея в серебристой клетке жил волнистый попугай. В руки Карузо, к сожалению, не давался, но с ним было приятно поболтать.

Последняя четверть и лето целиком и полностью принадлежали тете Саше. Александра Петровна становилась еще более важной, говорила громче, не ходила, а плыла, точно белый пассажирский теплоход. Ее взгляд заострялся, щеки часто розовели от нескрываемого удовольствия, грудь поднималась и опускалась с шумными вздохами.

Воспитательный процесс тети Саши являлся самым затяжным и продуманным, к тому же Леся знала: у нее есть обязательный пример для подражания – сестра Вика. С примером всегда легче понять, как есть, как пить, как складывать и убирать вещи... Тете по хозяйству помогала старенькая Любовь Ильинична, Леська любила слушать рассказы о молодости пожилой женщины и уплетать при этом крохотные пирожки с рисом и яйцом.

Дружбы с Викторией не получалось – впрочем, ни та ни другая сторона к подобным отношениям не стремилась: полевые цветы не тянутся к садовым розам, а те, в свою очередь, не склоны к бутонам, чтобы посмотреть, что там еще произрастает из земли. Вика проявляла любопытство только первые дни: она подолгу молча смотрела на Лесю, будто пыталась отыскать в ней какой-то секрет, а потом практически перестала замечать, лишь выказывала недовольство, если мать покупала две одинаковые юбки и тем самым на короткое время приравнивала полевой цветок и садовую розу.

Ветреной Зинке Лесю доверяли очень редко, и только на субботу и воскресенье.

Антонина всегда страдала от ссор с мужем, тетя Маша целыми днями играла на пианино, Кирилл Германович изобретал чуть ли не машину времени, Татьяна Григорьевна мечтала похудеть на двадцать килограммов, Надежда Дмитриевна читала вслух любовные романы и утверждала, что на свете не осталось настоящих мужчин. Калейдоскоп родственных отношений, ставший привычным, вызывающий иногда улыбку, иногда грусть...

– Я не забыла, – повторила Леся, поднялась, поставила стул на место, убрала планшет в сумку и неторопливо, предвкушая новую порцию волнения, направилась в комнату.

\* \* \*

Только законченный идиот мог назвать эту дыру гостиницей. Подобные строения должны стоять на краю мира и манить к себе или разбойников с большой дороги, прячущихся от глаз людских, или махровых упырей, планирующих ночную вылазку.

«Упырем положено спать в могилах», – поправил себя Глеб, потер лицо ладонью и дернул хлипкую ручку обшарпанной двери. Короткий скрип, приглушенная надрывная музыка, ароматы дешевых духов и быстрорастворимого кофе мгновенно добавили недостающие штрихи к картине под названием «Гостиница «Золотая» – заходите, не пожалеете!». Конечно, можно было заночевать и в деревне, наверняка бы перепали и самогон с соленым огурцом, и банька, и мягкая постель, но желание поскорее выбраться из глуши тянуло вперед не хуже магнита.

«Люди, люди, приютите бедного, одинокого странника... заблудшую душу... практически».

Глеб усмехнулся и устремился к полноватой блондинке, грызущей сухарики перед маленьким допотопным телевизором.

«Пусть она окажется возбуждающе прекрасной. – На его лице появилась скользкая улыбочка, пропитанная иронией и надеждой. – Или хотя бы смазливой. Пухлые губы, большие глупые глаза, белые зубы... И я с ней пересплю. Обязательно пересплю. Прямо сейчас. – Глеб чуть притормозил и посмотрел на потолок, выкрашенный излишне яркой голубой краской, покрытый бесчисленным количеством извилистых трещин. – Эй, Небесная канцелярия, может, поспорим? А то все погодой занимаетесь. Скучно небось?»

Блондинка протянула руку к пакету с сухариками и лениво обернулась. Глеб тяжело вздохнул, проклиная природу, имеющую дурную привычку создавать несовершенства. Узкий лоб, нос картошкой и черные усики над выпяченной верхней губой не смогли бы его возбудить даже после столетнего воздержания. А он, ко всему прочему, и не воздерживался. Ни от чего и никогда.

– Вечер добрый, – протянула блондинка, привычно сканируя гостя с головы до ног.

Глеб понимал: положительного впечатления в таком виде не произведешь, да, собственно, и не нужно. Быстро оглядев маленькую комнатенку с серыми обоями и древней мебелью, он задержал взгляд на выцветшей шторке, украшенной темным коричневым пятном, посмотрел под ноги на протертый почти до дыр ковер и развязно сообщил:

– Привет, мне бы переночевать у вас, прелестная незнакомка.

Блондинка выпрямилась, пропустила комплимент мимо ушей и с вызовом спросила:

– А ты кто?

Вопрос переводился как: «А за номер заплатить сможешь?»

– Плохо, плохо формулируете мысли, – пожурил Глеб, неторопливо приближаясь. Нарочно почесав заросшую щеку, он сунул руки в карманы джинсов, прищурился и все же ответил: – Я разбойник с большой дороги. Похож?

– Не-а, те нынче богатые, – улыбнулась блондинка, подыгрывая. Вблизи гость уже не казался законченным бродягой, он скорее походил на капитана дальнего плавания, списанного на берег лет пять назад. Глаза мужчины поблескивали, и даже показалось, будто в них закручивается в воронку искрящийся голубой свет...

– Тогда упырь. Сгодится?

– Упыри сейчас в могилах лежат, часам к двенадцати повылазят, не раньше.

– А я вижу, вы – девушка образованная... – Глеб остановился напротив блондинки и улыбнулся щедро и беспринципно. «И не говорите потом, что я не делаю добрых дел. Посмотрите на эту женщину, она же на седьмом небе от счастья! – Он прислонился к тощей администраторской стойке и мысленно добавил: – Мне это зачтется или нет?»



– Посиди здесь с мое, еще не то узнаешь. – Блондинка тихо засмеялась, демонстрируя ровные зубы. Ее скука наконец развеялась, глаза засияли, руки автоматически прошлись по полным бедрам – зеленая ткань юбки разгладилась, но почти сразу вновь собралась в мелкие горизонтальные складки.

– Тогда я – маг и волшебник, – продолжил Глеб. – Так сгодится?

– Н-да? И что ты умеешь?

Весьма сильное искушение опробовать свои силы... И плевать, что их ограниченное количество, а за некоторые попытки иногда приходится расплачиваться...

– Я умею загадывать желания, и, удивительное дело, многие спешат их исполнить, – ровно произнес Глеб. В его глазах полыхнул огонь, будто кто-то неведомый плеснул керосина на раскаленные угли. – Мне нужен хороший и абсолютно бесплатный номер, и я требую, чтобы меня никто не беспокоил до утра, – сказал он холодно и четко.

Блондинка дернулась, на миг замерла, затем кивнула, молча и медленно выдвинула верхний ящик стойки, достала ключ с биркой № 11 и плавно положила его перед странным гостем.

Как просто. Даже неинтересно. Никакого сопротивления – душа попалась слабая... простая, как копейка.

Глеба постигло разочарование еще и оттого, что он почувствовал: тех самых *особенных* сил стало меньше – ровно на одно бездарное желание. Ему ли экономить деньги? Хотя наличных-то нет, а в этой дыре банковская карточка – лишь бесполезный и никому не нужный кусок пластика.

«Плевать», – подытожил Глеб, подхватил ключи и, насвистывая, вразвалочку направился к лестнице. На пятой ступеньке он остановился, перегнулся через перила и беззаботно крикнул:

– Эй, отомри!

Блондинка вздрогнула, захлопала ресницами, явно не помня, что происходило еще минуту назад.

«Маг и волшебник? – усмехнулся Глеб. – Ну да, иногда могу».

## Глава 2

День обещал стать историческим. Быстро умывшись, заправив постель и ни на секунду не подумав о завтраке, Леся достала из шкафа коричневый чемодан-путешественник и принялась складывать вещи. Переехать она хотела еще вчера, но тетя, не одоблив подобной поспешности, разнервничалась и тоном, не терпящим возражений, сказала: «К самостоятельной жизни ты еще не готова. Полагаю, ты это и сама понимаешь. – Александра Петровна сцепила пальцы перед собой, постояла так немного, а затем добавила со значением: – Однако слово я сдержу: раз тебе исполнилось восемнадцать лет, ты имеешь право вернуться в свою квартиру. Только спешка ни к чему, соберешься завтра утром».

Леся согласилась, хотя на языке уже вертелись подходящие возражения, а сердце торопливым стуком требовало свободы. Нарочитый запах корвалола, единственная седая прядь Александры Петровны, выбившаяся из прически, вредность и паника, тенью пробежавшие по лицу тети, остановили Лесю и заставили кивнуть. Не так-то просто отпустить на волю птицу из клетки: кажется, будто она обязательно пропадет, умрет от голода, заболеет, врежется в столб и шмякнется на асфальт. А еще – птица улетит, а клетка останется, и появится свободное время, которое придется заполнять...

«Хорошо, тетя Саша», – спокойно ответила Леся, сжимая за спиной ключи от квартиры. В ее душе не было ни капли обиды, в ней царил морской штиль, парили чайки, и на ярком солнце искрились белые и желтые песчинки. Вернувшись в свою комнату, Леся посмотрела на черную папку с рисунками, представила, как утром повесит ее на плечо, и тихо с улыбкой произнесла: «Завтра. Слышишь? Мы переедем завтра».

Восемнадцать лет Лесе исполнилось две недели назад, ключи она получила вчера, и теперь уже ничто не могло помешать осуществиться мечте. Надо купить продукты, средство для мытья посуды, шампунь, стиральный порошок, мыло, что-то еще... И даже не хочется торопиться с походом в магазин – каждое мгновение должно приносить ту самую долгожданную радость!

Леся принялась складывать учебники в сумку – в первую очередь протягивая руку к более толстым, оставляя тонкие на потом. Она училась в колледже архитектуры и дизайна и специально сдала экзамены досрочно, чтобы освободить май. Последнее время планы росли и крепили, постепенно они становились нетерпеливыми и настойчиво требовали скорейшей реализации. Лесе хотелось брать уроки живописи, и хотя Александра Петровна передала ей весомую сумму денег, оставшуюся после ремонта квартиры, нужно было подумать о работе. Любой, дающей ощущение независимости и уверенность в будущем.

Тяжести чемодана Леся не почувствовала, бодро пройдя к двери; дежурно пожелав Вике доброго утра, она надела ботинки и подхватила черную папку.

– Будешь ездить туда-сюда, – недовольно сказала Александра Петровна, выходя из кухни, вытирая мокрые руки вафельным полотенцем. – Завтра Андрей бы тебя перевез. И в кого ты такая упрямая?

Но этих «завтра» получалось уже слишком много.

– Ничего страшного, тетя Саша, – ответила Леся. – Я прикинула, за три раза управлюсь.

– На автобусе поедешь? – спросила Вика, убирая волосы от лица. Она только проснулась и стояла в коридоре в ночной рубашке, заспанная, но все же красивая. Огромные глаза, всегда румяные щеки, полные губы и хорошая фигура еще в школе притягивали взгляды почти всех мальчишек. – И не лень тебе?

– Не-а, – легко ответила Леся, улыбнулась и подняла чемодан.

Резкий пронзительный дверной звонок заставил Вику сморщить аккуратный носик, она повернулась к матери, пожала плечами и торопливо прошла в ванную.

– Кого это принесло с утра пораньше? – недовольно произнесла Александра Петровна, отодвинула Лесю в сторону и открыла дверь.

На пороге в голубой униформе, держа в руке узкий прямоугольный конверт, стоял курьер – молодой человек лет двадцати. Нашивка на ветровке сообщала о том, что он готов доставить абсолютно любую корреспонденцию куда угодно, в любое время суток. И равных ему в этом нет и не будет.

– Доброе утро! – весело отрапортовал молодой человек и, безошибочно определив хозяйку квартиры, устремил лучистый взгляд на Александру Петровну.

Сердце у Леси защемило от смутного предчувствия: а будет ли утро добрым?

\* \* \*

Годы идут быстро, и каждый должен помнить об этом с утра и до вечера. Александра Петровна считала именно так и категорически не соглашалась с иным мнением. Мир прост, не надо усложнять, сочинять, врать и потакать собственным неразумным желаниям.

Косметика? Но наши предки женились с прыщами, прекрасно жили и понимали друг друга с полуслова.

В гости к однокласснику? А кто его родители и состоятельная ли это семья?

Нет, замуж по расчету выходить нельзя – это аморально, но руководствоваться только чувствами... По меньшей мере – глупо!

Любовь? На семьдесят пять процентов является вымыслом, писатели вообще нагло зарабатывают, эксплуатируя эту тему. Пишут сказки, сладкие многообещающие истории, а наивные дуручки верят. А нельзя! Следует жить своим умом.

Александра Петровна проводила курьера, достала из кармана байкового халата очки, надела их и решительно вскрыла конверт.

*«Александра, пусть Олеся приедет ко мне и погостит недельку. Сегодня в пять часов на станции Утятинно ее будет ждать машина.*

*Дюков».*

Вот так: без «здрасте» и «до свидания», без положенных «если», без каких-либо вариантов – день в день! Александра Петровна поджала губы и выдала тяжелый продолжительный вздох, в ее душе вскипело и поднялось недовольство, раздражение выступило красными пятнами на шее, мысли заметались, цепляясь друг за дружку. «Почему нельзя предупредить заранее?! И что теперь? Бегать и собираться? Господи, да за что же муки такие! Сегодня... Он написал «сегодня»...» И только тут картинка в голове Александры Петровны сложилась, рука с письмом опустилась, а взгляд устремился на Лесю. Василий Петрович Дюков «пригласил» подобным образом не по забывчивости, не от пренебрежения к чужим планам и чувствам, не в спешке... Он четко и ясно сделал все, чтобы у Леси не осталось выбора, и она при любых «не хочу» была бы обязана приехать на станцию Утятинно. Письмо. Курьер. Машина. Александра Петровна подозревала, что телефон Дюкова сейчас наверняка недоступен (случалось уже такое в нужный момент) и ничего отменить нельзя.

– Рекламу принесли, да? – выглядывая из ванной, спросила Вика.

Проигнорировав вопрос дочери, Александра Петровна протянула конверт Лесе и с важностью произнесла:

– Иди в комнату и прочти. – И лишь потом ответила дочери: – Письмо от Василия Петровича.

– Какого?

– Дюкова.

Вика возвела глаза к потолку и скрылась за дверью ванной.

Александра Петровна помедлила в коридоре и тоже направилась в комнату. Вещи долго упаковывать не придется: собственно, они уже собраны для переезда. Возможно, поездка пойдет Олесе на пользу: хоть немного отложит ее самостоятельную жизнь... В конце концов, девочка должна испытывать благодарность за финансовую поддержку, которую Дюков оказывал много лет. Но...

Александра Петровна остановилась около круглого стола и приложила ладонь к груди.

«Что-то я туго соображать стала, медленно до меня доходит...»

Несколько остыв, запоздало она смогла оценить случившееся в полной мере: Василий Петрович Дюков, практически не общавшийся с родственниками, ведущий в глуши замкнутый образ жизни, немедленно желает видеть Олесю. И при этом не оставляет ей выбора. За последние девять лет Дюков поинтересовался девочкой только три раза, и вопросов у него было мало: сколько ей лет и какое у нее здоровье? И еще вроде был вопрос: по-прежнему ли она рыжая? И все. А теперь получается, что именно ее, Олесю, чудаковатый затворник зовет к себе в гости. Зачем? Возможно, желает убедиться, что деньги потрачены не зря...

«Нашел, в ком сомневаться. Во мне! – мысленно возмутилась Александра Петровна и чуть не топнула ногой. – Ему нужны доказательства? Он их получит!»

Или... Дюков наконец-то понял: самая обыкновенная старость приходит ко всем, а стакан воды должен принести именно близкий человек... Но было бы честно, если бы свое состояние Василий разделил между всеми родственными детьми, раз своих у него нет. Вика, Олеся, Ромка и Ира (Антонина бы, безусловно, обрадовалась) и... Александра Петровна остановила себя. Ей вспомнился ворчливый, скрипучий голос Дюкова, недовольный тон, раздражение, сквозившее почти в каждом слове, отрывистые фразы, нетерпение по отношению к другим.

«Если бы я не была мудрой женщиной, то посчитала бы, что Василий искренне ненавидит жизнь, человечество, а также землю и воду, но нельзя же поддаваться сплетням и скоропалительным суждениям. Он содержал Олесю, а значит, ему не чужды доброта и сострадание. Одиноким людям всегда трудно, и наш долг помочь им. Как говорится, старость – не радость». Александра Петровна осталась довольна собой, нервы улеглись, и происходящее показалось не таким уж странным.

– Тетя Саша, но зачем мне ехать и почему сегодня? – раздался удивленный голос Леся.

Александра Петровна протянула руку, взяла письмо, перечитала его, тщательно сложила и вместе с очками отправила в карман. Соппротивление бесполезно, долг Олеси – выполнить желание Дюкова. Этот момент – важный и принципиальный.

Неутомимая энергия забурилась в груди Александры Петровны с новой силой, щеки вспыхнули, на лбу собрались короткие тонкие морщины.

– Ты должна поехать, и лишние разговоры ни к чему. Погостишь и вернешься. Не забывай, чем ты обязана этому человеку.

– Но мы не знакомы.

– Самое время познакомиться. Ты собираешься поблагодарить Василия Петровича за то, что он для тебя сделал, или нет?

– Собираюсь, – кивнула Леся, слабо представляя эту картину. Ее воображения, художественного таланта, вдохновения не хватило, чтобы нарисовать Василия Петровича Дюкова и рядом – себя. Краски смешались и потекли пестрой рекой в сторону высоченных гор, окруженных непроходимыми лесами. – А где находится станция Утятينو?

– Не так уж и далеко от Москвы, у меня где-то записано...

Александра Петровна деловито устремилась к трельяжу, а Леся посмотрела на часы, прикидывая, успеет ли дотащить свое небольшое имущество до квартиры. И все же не верилось. Письмо... Оно будто с неба свалилось и вмиг перечеркнуло мечты и планы. Почему курьер не опоздал хотя бы на пять минут?..

– Тетя Саша, а вы не могли бы позвонить Василию Петровичу? Я бы поехала к нему позже, дня через два. Ну какая разница... – Надежда имела право на жизнь, и пока не следовало падать духом. Леся обернулась на чемодан, оставшийся в коридоре, и нарочно, подталкивая хорошее вперед, а плохое отодвигая в сторону, представила, как открывает его и кладет вещи не на полки шкафа тети Саши, а на свои. – Позвоните, пожалуйста, – попросила она уже твердо.

«Упрямая, как... как...» – вспыхнуло в голове Александры Петровны, но подходящего сравнения не нашлось. Не сомневаясь в отрицательном результате, она взяла мобильный телефон и набрала нужный номер. Олеся должна слушаться ее с первого раза. Подумаешь, выросла, подумаешь, самостоятельной стала, но мозги-то еще набекрень! А дальше вообще непонятно как пойдет: замуж захочет и совета доброго не услышит, а разве в восемнадцать лет хорошего мужчину от плохого отличишь?

– Недоступен, – через несколько секунд победно объявила Александра Петровна, многозначительно приподнимая правую бровь. – Хочу напомнить, что в пять часов тебя будет ждать машина...

– Я успею, – перебила Леся и совершенно спокойно направилась к двери.

– Ты куда?! – выдохнула Александра Петровна.

– Перетащу вещи, а потом отправлюсь в Утятينو. Я быстро. Три раза туда, три раза обратно и на электричку. Вы, пожалуйста, напишите подробно, как добраться до станции... – Леся подхватила чемодан, выпрямилась и миролюбиво добавила: – Вы же сами сказали, что это недалеко от Москвы.

Александра Петровна возмущенно всплеснула руками, однако в ответ последовал лишь щелчок дверного замка.

– Упрямая, как... как... Дюков! – с чувством произнесла Александра Петровна и поразилась подобному сравнению.

Но спокойствие Лесе далось нелегко: и сердце сбилось с привычного ритма, и дрогнули коленки, и чемодан показался тяжелее штанги. Бегство – в данном случае это единственный способ превратить мечту в реальность (счет идет на минуты, не на часы).

Дверцы лифта закрылись, Леся прислонилась спиной к металлической стенке и склонила голову набок; она едет в будущее, и ничего страшного, что предстоит еще одно путешествие к дальнему родственнику. Душа и тело закалены Сергеем Сергеевичем, Антониной, дядей Андреем, тетей Машей, Кириллом Германовичем и другими. Она – Олеся Сотникова, известная лягушка-путешественница. А спорить с Александрой Петровной нельзя: затянет в свой омут – не выберешься.

\* \* \*

Хвала электричкам, вокзалам, горячему кофе в картонных стаканчиках, бутербродам, пирожкам, коротким юбкам, позволяющим насладиться стройными ножками, и долгожданным наличным. Глеб потянулся, зевнул во весь рот, благодарно похлопал банкомат «по плечу» и сунул деньги в задний карман джинсов. Хорошо, когда не нужно усиленно вспоминать пинкод (потому что эти четыре цифры – год твоего рождения), когда в воздухе витает аромат свободы, кругом до боли знакомые грешники, а душа поет: «Тутс, тутс, тутс, пара-тутс, тутс, тутс». Не выдать ли чечетку прямо здесь, на вокзале?!

До Москвы он добрался, теперь можно и отдохнуть... Вот только спина ноет после ночи, проведенной на старой жесткой кровати. Глеб поморщился, улыбнулся мыслям и направился к выходу. Взгляд автоматически фокусировался на молодых женщинах, удовольствие от лицезрения пышной груди или тонкой талии добавляло походке бодрости, а глазам – блеска. Отлично: иди, куда хочешь, делай что вздумается и... надейся, что расплата наступит не скоро.

Пройдя мимо касс, поднявшись по ступеням, Глеб вышел на привокзальную площадь и двинулся в сторону желто-оранжевых такси. Но, преодолев половину пути, остановился и с удовольствием сделал пару глубоких вдохов, шум живого многолюдного города стал громче, будто кто-то неведомый увеличил звук. Майское солнце, вынырнув из-за ватных облаков, обожгло лицо, рыжая девчонка в зеленых брюках, длинном коричневом свитере, коротком черном пиджаке и грубых ботинках притянула взгляд. Невысокая, волосы слишком яркие, дурацкий чемодан, спешная походка... Малявка еще. Такие не могли вызвать у Глеба особого интереса (скучно, и возни много), он переключил внимание на мчащиеся машины и вновь зашагал в сторону такси. Сейчас его устроит любая гостиница.

«Любая шикарная гостиница, – мысленно уточнил он, почесал заросший подбородок и улыбнулся. – Горячая ванна, белое махровое полотенце, чашечка кофе, отличный коньяк...»

Улыбка стала шире и циничнее. Глеб крутанулся на месте, как заправский танцор, чем привлек внимание окружающих, и выдал ликующее: «Опа!» Вдали, среди отъезжающих и приезжающих, вспыхнула, а затем погасла рыжая голова. Девчонка отправлялась неизвестно куда, что, безусловно, прекрасно – скатертью дорога, детка! Счастливого пути!

– Такси, такси, – пропел Глеб и вдруг почувствовал нарастающее тепло в ногах, оно сжало щиколотки, а затем поползло вверх, ослабляя мышцы, проникая в кровь и каждую клетку тела... – Нет, – сорвалось с губ. Сердце, сто раз привычное к подобным моментам, дернулось и заныло, еще надеясь на ошибку. – Нет, нет... Только не сейчас. Имейте совесть!

Глеб споткнулся, точно под ногами оказалась невидимая преграда, но упрямство и острое желание отстоять право на свободу несколько укрепили его силы, хотя... Он знал: это самообман.

«Ладно, готов пообщаться по существу, – Глеб разумно встал на путь переговоров. – Что от меня требуется? Давайте решим все вопросы максимально быстро, и я поеду в гостиницу пить крепкий черный чай... Обещаю, никакого коньяка, – не удержавшись, он хохотнул и торопливо продолжил: – В конце концов, я имею право на отпуск. Банальный отпуск. Дня три-четыре... А? Договорились?»

Тело развернуло, и перед глазами опять появилась белая надпись «Казанский вокзал».

– Стоп, – тихо произнес Глеб. – Но я же добрался до Москвы, и никто, ни одна собака страшная... – В боку весьма болезненно кольнуло. – О, прошу прощения, погорячился, – абсолютно не сожалея, извинился Глеб. – Но почему же раньше...

Стараясь получить разгадку, он осекся и прислушался: частенько ответы лежат на поверхности, главное – суметь их взять. Однако подсказка не бросилась в глаза, какой-либо звук не потребовал к себе повышенного внимания, в голове стояла густая тишина. Глеб дернул плечом, пытаясь избавиться от безоговорочного подчинения, но тяга невероятной силы потащила его вперед, не давая возможности даже избежать естественных препятствий.

– Не так быстро, не так быстро, – произнес он и налетел на тучную даму в коротком кожаном пальто. – Простите, мадам, – игриво выдал Глеб, приобнимая женщину правой рукой. – Если бы не обстоятельства, я бы – ух! – Договорить он не успел, ноги понесли дальше, да так, что заныли колени. – Эй, нельзя ли в другую сторону? Или немного помедленней? – Из вредности, поощряя дух сопротивления, Глеб вцепился в перила лестницы и вытянулся вдоль ступенек в неестественной позе, пришлось крепче сжать пальцы, чтобы удержаться. – Что смотришь? – рявкнул он на маленького мужичка, проходящего мимо. – Может, я устал и прилег отдохнуть!

Мужичок резко отвернулся и ускорил шаг, его примеру последовали еще человек пять, а Глеб с трудом выпрямился, выругался и сразу увидел рыжую голову, мелькающую в толпе.

Девчонка.

С коричневым чемоданом.

Ответ на вопрос...



«Так, ладно, я понял: нужно догнать эту крошку. Зачем? Считаете, она может мне понравиться? – Глеб едко улыбнулся, не сомневаясь, что шутка не пришлась ко двору. – Хорошо, я иду за ней. Заметьте, сам, добровольно. Прошу занести это в личное дело и жирно подчеркнуть, а лучше бы при случае меня поощрить».

Глеб поднял правую руку, почувствовав долгожданную самостоятельность в движениях, расправил плечи и нарочно неторопливо стал спускаться по ступеням. Тело больше не горело, ничто не толкало в спину, но выбора все равно не существовало: девчонку нужно догнать.

Рыжая голова исчезла, Глеб бросил: «Черт побери!» – получил еще один болезненный укол в бок, дернулся и все же с нескрываемой иронией прошептал:

– Да, я знаю, употреблять такие нехорошие слова, разговаривая с Небесной канцелярией, дурной тон. Больше не буду, честное слово, больше не буду.

Девчонка вынырнула левее, около касс, Глеб устремился следом, гадая, к чему все это должно привести.

«Мне ее соблазнить? Неужели? Симпатичная...»

Он продолжил развлекаться, пытаясь продемонстрировать непокорность хотя бы таким образом, но резкий холод сжал виски, и уже знакомое равнодушие тутим комком подкатило к горлу. Девчонка для Глеба мгновенно перестала принадлежать к прекрасному полу, она больше не воспринималась симпатичной рыжеволосой девушкой, которая, возможно, однажды превратится в эффектную женщину. Она все так же стояла в очереди в кассу, поглядывая то направо, то налево, но на ее узких плечах, маленькой груди, тонкой талии взгляд больше не останавливался. Взгляд не делил ее на зоны возбуждения и не оценивал по пятибалльной шкале. Ох, как же Глеб не любил, когда с ним так поступали...

«Ну и кто вы после этого? – огрызнулся он. – Зачем? Она мне на фиг не нужна!»

Боясь, что запрет распространяется на всех женщин, Глеб повернул голову и уставился на первую попавшуюся стройную брюнетку. Короткая юбка, черные колготки, дутая розовая жилетка поверх розовой же водолазки, волосы стянуты в высокий хвост, ровная челка доходит до бровей, длинные черные ресницы обрамляют кошачьи карие глаза... Стандартная волна желания порадовала и успокоила Глеба, и настроение скакнуло вверх!

– Значит, только эту девчонку нельзя? Ладно, договорились, – весело прошептал он и услышал приятный голос: «Мне нужен билет до Утятина»... Что?.. М-м, наверное...»

Так он и знал, так и знал, что придется тащиться в какую-нибудь дыру! «Кто ты? И с какой стати меня приставили к тебе?» Глеб прищурился, продвинулся к кассе и занял очередь, не отводя глаз от девчонки.

Как ее зовут?

Где живет?

К кому едет?

И где она взяла этот жуткий чемодан?!

Глеб представил, как прикасается к чемодану и безошибочно читает его судьбу, слышит голоса, видит руки и лица, получает ту самую информацию, которая бы его сейчас очень порадовала, но увы, возможности такой нет. Рыжая крошка ни за что не позволит донести ее пожитки до перрона. Скажет «я сама» и ускорит шаг. Еще бы! С его-то заросшей физиономией! Да и вряд ли крошка является доверчивым созданием. В таких-то солдафонских ботинках! Глеб досадливо сморщился и шепнул на ухо впереди стоящему мужчине: «Эй, приятель, пропусти меня вперед. Ты же не против, правда?» Получив удовольствие от минутной власти, не дожидаясь ответа, он обошел мужчину, рассеянно смотревшего по сторонам, явно позабывшего, зачем он приехал на вокзал, и мягко произнес в полукруглое окошко:

– Мадам, а мне тоже нужно доехать до Утятина. Будьте любезны, порадуите одинокого странника счастливым билетиком.

Девчонка плохо ориентировалась, что дало возможность быстро ее нагнать. Глеб пристроился сзади, сунул руки в карманы и неторопливо пошел следом. «Какой же чудесный день ты мне испортила, малышка. Как не стыдно... Ай-яй-яй... – Усмехнувшись, он прибавил шаг и, желая узнать хоть что-то, попытался уловить аромат рыжих волос. – Шампунь на крапиве. Ты любишь крапиву, детка? Только этого мне не хватало».

Глеб подавил желание заставить девчонку отдать чемодан (не слишком-то сосредоточишься в суматохе вокзала, и силы потратятся зря). Еще не время, да и куда торопиться? Он же не положительный персонаж и имеет право потянуть резину... «Я иду за ней. Без проблем. Все, как вы хотели. Кстати, какие будут пожелания? Мне угостить ее чашечкой кофе с коньячком или спеть колыбельную на ночь? Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, а ложись-ка ты у стенки, я пощупаю коленки... Нормально? Я не поэт, только учусь, прошу учесть это».

В электричке Глеб сел так, чтобы видеть девчонку.

«Полтора часа созерцания рыжей головы вряд ли подействуют на меня умиротворяюще, – пошутил он, лениво положил ногу на ногу и покосился на попутчицу справа. Пожилая женщина в синем тренировочном костюме и коротких резиновых сапогах листала тощий журнал с кроссвордами, готовясь к долгому пути. – Да я практически в цветнике! Дорогуша, позвольте отгадать что-нибудь по вертикали; я, знаете ли, недолюбливаю вялую горизонталь».

Глеб скусающе глянул в окно, мысленно попрощался с Москвой, со всеми вместе взятыми шикарными гостиницами и закрыл глаза. Часик он подремлет, девчонка никуда не денется, можно расслабиться и посмотреть цветные сны.

– Баю-баюшки-баю, – тихо протянул Глеб, не сомневаясь, что пожилая женщина (после подобного исполнения) оторвалась от журнала, подняла голову и посмотрела на него удивленно и опасно. – Не обращайтесь на меня внимания, – не открывая глаз, сказал Глеб, добавляя голосу трогательные ноты: – Матушка часто пела мне колыбельные в детстве, и я до сих пор храню память об этих волшебных минутах.

Сколько же нужно иметь силы воли, чтобы не заржать в этот момент!

Станция Утятинo особого движения в вагоне не вызвала: вещи прихватили лишь высокий худощавый старик в длинной серой куртке и рыжая девчонка. На платформе гулял ветер, кучками валялись бумажки, окурки и прочий мусор, по краю сквозь стыки бетонных плит и трещины в асфальте пробивалась трава, оградительная решетка радовала яркой зеленой краской.

Девчонка огляделась и неуверенно направилась к ступенькам. Глеб увидел две машины: голубую развалюху с проржавленным капотом и черный джип, припаркованный гораздо дальше, у дороги и редкого лесочка из берез, рябин и осин.

Ее ожидали.

«Та-а-ак... Делаем ставки, дамы и господа, делаем ставки, – пролетела мысль, наполненная азартом и любопытством. – Развалюха или джип. Джип или развалюха?..»

Положив руку на тонкие металлические перила, Глеб пожалел, что нет сигарет, и замер, пытаясь угадать: кто приехал за его подопечной? Курение, как ни странно, так и не прилипло к нему окончательно – Глеб то дымил, то надолго забывал о пагубной привычке, абсолютно не страдая от этого.

Сначала девчонка приблизилась к развалюхе, поговорила с водителем, а затем направилась к джипу. Так же пообщалась с водителем, обошла машину и открыла дверцу. В ее движениях присутствовала некоторая напряженность, но лицо оставалось спокойным, даже, пожалуй, светлым. Лучшего определения Глеб не подобрал.

– Эй... стой... – спохватившись, выдохнул он и быстро направился по тропинке к дороге. – Стой, тебе говорят. Эй, ты куда?..

Автоматически Глеб четко, хладнокровно сформулировал желание и отправил его огненной стрелой в рыжую макушку, но... ничего не произошло. Ни задержки, ни взгляда, ни сомне-

ния, ни хотя бы колебания в воздухе – девчонка забралась в джип, и дверца с отдаленным звуком захлопнулась. Притормозив, Глеб, не веря собственным глазам, удивленно уставился на поднимающиеся дорожные клубы пыли. Они затемнили дорогу, расширились, будто хотели посмеяться: «Не вышло, приятель? А никто и не говорил, что будет легко!»

Она уезжала.

Не подчинившись.

Девчонка совершенно свободна от его силы.

– Твою мать! – с чувством рявкнул Глеб, поддал ногой приличный булыжник и разразился продолжительными ругательствами.

Собственно, не новость, что на часть людей не действуют чары, которыми иногда его наделяют. Если человек слишком сильный, умный, свободный или стоит запрет («На судьбу не влиять»), то усилия напрасны, любые приказы, долетая, будут рассыпаться и оседать на землю невидимым пеплом. Вот только влиять на судьбу девчонки – разрешено! Ограничения всегда чувствуются, не перепутаешь, но невозможно поверить, что эта малявка сильнее его воли. Невозможно!

«Я найду тебя, и посмотрим, кто кого», – проворчал Глеб, игнорируя тот факт, что искать придется в любом случае, хочет он того или нет.

Водителем развалюхи оказался светловолосый паренек лет восемнадцати. Веснушки запорошили лицо и руки, голубые глаза сияли искренностью и любовью ко всему, что находилось в радиусе тысячи километров. И было ясно: свою машину он обожает, несмотря на обнаглевшую ржавчину, поцарапанные бока и протертые кресла. С зеркала свешивались многочисленные мелкие сувениры, по панели тянулись яркие наклейки, на руле красовалась новенькая бордовая бархатная оплетка.

– Привет, – заглянув в салон, оценивая обстановку и паренька, легко и непринужденно поздоровался Глеб. – Хорошо у тебя здесь.

– Ага.

– Дежуришь?

– Приперся раньше, как дурак. – Паренек потер ладонью нос и посмотрел в сторону платформы. – Тетка должна из города приехать, если не встречу – убьет. Запилит до смерти!

– Понятно. И давно кукуешь?

– Не-а, минут десять. Тебя как звать?

– Глеб.

– Я – Степан.

– А мне вот, Степа, девчонка понравилась... На джипе сейчас умотала. Чья тачка, не знаешь?

– Известно, чья, – Дюкова! Он на ней уже лет пять разъезжает, хотел бы я такую. Дай-ка вылезу, надоело сидеть.

Глеб отступил, паренек распахнул дверцу и вышел из машины, прихватив пачку сигарет.

– А о чем тебя девчонка спрашивала?

– Так о том и спрашивала! От Дюкова я или нет. Василием Петровичем его величала, уважительно. Смех, да и только.

– Почему? – Глеб, готовый ухватить любую информацию за хвост, напрягся, но мгновенно изобразил на лице веселость и легкое любопытство.

– Чокнутый он, ей-богу, чокнутый. У нас им детей пугают. – Степа чиркнул спичкой и затрясся от смеха. – Меня вот тоже пугали. Ну я, понятное дело, боялся. Мать говорила: утащит тебя Дюков в подвал и съест с потрохами! Весело!

– Живет-то он где? Далеко?

– Не-а, рядом с нами, – махнув в сторону леса, ответил Степа.

«Спасибо, весьма подробно объяснил», – мысленно усмехнулся Глеб.

– Подбросишь?

– Ага. Только ты мне рублей сто при тетке дай, а то задарма она не одобрит.

– Без проблем, договорились.

Пользуясь разговорчивостью паренька, Глеб задал еще несколько вопросов, но ничего полезного разузнать не удалось: раньше девчонка здесь вроде не появлялась, как зовут – неизвестно.

«Ничего, крошка, скоро мы с тобой встретимся. Надеюсь, наше знакомство будет коротким и необременительным. Интересно, что тебе от меня нужно?.. И еще более интересно, что мне нужно от тебя?»

Глеб поднял голову. Небо поражало чистым голубым цветом, но два небольших облака плыли рядом в неизведанные дали – одно за другим, точно связанные невидимой нитью.

– Очень смешно, – едко прокомментировал Глеб.

## Глава 3

С тайной всегда соседствует волнение, а если предстоит встретиться лицом к лицу с давней легендой, то лучше сразу подготовиться и к трепету в груди, и к дрожи в коленках, и к шуму в ушах. Даже если эта легенда – странный, далекий Василий Петрович Дюков.

Полпути Леся с улыбкой думала о переезде, случившемся наперекор трудностям и сопротивлению тети Саши. В голове крутились обрывки фраз, открывались и закрывались дверцы лифта, звучал стук ботинок о ступеньки, и продолжало лететь «...успею, успею, успею!». Все получилось, обратной дороги нет и не будет: вот так тихонько, осторожно, хорошо и правильно исполняются мечты. Папка с рисунками осталась дома, потому что приятно, когда кто-то или что-то ждет твоего возвращения, но в чемодане лежат планшет, бумага, всевозможные карандаши, пастельные мелки...

А затем появился расплывчатый полупрозрачный образ Василия Петровича. Леся представляла его то высоким стариком с седыми бакенбардами, то маленьким крепким мужчиной с короткой шеей и жесткими черными усами. Она гадала, зачем он пригласил ее к себе, если с родственниками практически не общается, можно ли будет уехать через неделю, не задержит ли Василий Петрович дольше обещанного?

За полчаса до Утятина Леся почувствовала первый приступ любопытства: кто ее дядя, какой он? Александра Петровна настойчиво советовала называть Василия Петровича именно дядей. «Какая разница: двоюродный или троюродный? Так лучше, проще и по-человечески. И не забудь выразить благодарность!» Леся в ответ кивнула, согласившись сразу на все. Александра Петровна упаковала в блестящую подарочную бумагу клетчатый шерстяной шарф, купленный Сергеем Сергеевичу на день рождения, и строго сказала: «Ты подготовить подарок уже не успеешь, а с пустыми руками появляться на пороге Дюкова – дурной тон. Подаришь шарф, зимы одинаково холодные и здесь, и в Утятине».

Устроившись поудобнее в машине, пристегнувшись ремнем безопасности, Леся позвонила тете и сообщила, что все в порядке: ее встретили, и минут через двадцать путешествие закончится. «Я надеюсь, мне не придется за тебя краснеть». – Голос Александры Петровны прозвенел, как натянутая тетива. «Конечно, нет, тетя Саша, – легко ответила Леся и торопливо добавила: – До свидания». Ей хотелось ехать молча, смотреть в окно, считать деревья, любоваться красотой природы, запоминать разноцветные мгновения, чтобы потом перенести их на бумагу.

Любопытство подпрыгнуло до небес, когда джип остановился около дома Василия Петровича. Леся ожидала увидеть добротный дом, огороженный, скорее всего, высоким забором, каменную дорожку, ведущую к крыльцу, подстриженную траву, просторную беседку с монолитным деревянным столом и стульями, ряд педантично, ровно высаженных кустов... И Сергей Сергеевич, и дядя Андрей, и тетя Маша, и тетя Саша всегда подчеркивали обеспеченность Василия Петровича, поэтому, по элементарной логике, он должен жить хорошо.

Машина медленно въехала во двор, оставив позади широкие кованые ворота, Леся открыла дверцу, вышла и удивленно приподняла брови... Перед ней возвышался дом – огромный, частично каменный, частично дощатый, с башнями-пристройками, с крутой лестницей, поднимающейся до балкона, темным крыльцом, практически съеденным толстыми длинными ветками незнакомого вьющегося растения. На ветках зеленела листва, но они все равно напоминали узловатые корни вековых деревьев, произрастающих в дремучих лесах. Одна башня-пристройка походила на безумную старуху, собирающуюся станцевать канкан, другая чуть накренилась, или так почудилось... Балкон выглядел добротным, по его периметру тянулись коричневые ящики для цветов – по всей видимости, их не использовали много лет.

– Пойдемте, я вас провожу, – раздался хриловатый голос водителя.

– Да, спасибо... – тихо произнесла Леся, не в силах оторвать взгляд от пейзажа. Теперь она изучала территорию вокруг дома, это оказалось не менее увлекательно.

Дорожки уходили и вправо, и влево, их ограждали узкие полусгнившие доски и кирпичи, трава росла островками – высокая, низкая, стелющаяся по земле. Две скамейки давно потеряли цвет: коричневая краска шелушилась, напоминая лишайник. Взгляд зацепился за высохшие кусты, плотно растущую облепиху, бревна, наваленные бесформенной кучей около раскидистых яблонь, скворечник, повисший на одном гвозде. Но забор был идеальным – свежий, стройный, будто по линейке начерченный.

Здесь не мог жить разумный и успешный предприниматель: это место больше подходило старому колдуну, не терпящему перемен и не ждущему гостей. Впрочем, если верить Сергею Сергеевичу, дяде Андрею и тете Маше, отчасти так и было. Леся улыбнулась, представляя выражение лица Александры Петровны, окажись та в данную минуту рядом.

«Ка-та-стро-фа», – прочеканила Леся, устремляясь за водителем к крыльцу. Да, тетя Саша оценила бы увиденное именно так. Она всплеснула бы руками и непременно взялась за уборку. Ее энтузиазма хватило бы даже на то, чтобы перебрать и ровно уложить бревна, спилить сухие ветки облепихи и заставить яблони подобрать животы и расправить плечи. «Потом я все хорошенько осмотрю, здесь интересно», – подумала Леся, готовясь ко встрече с Василием Петровичем Дюковым. Волнение коснулось ее светлой кожи, щеки порозовели, и пришлось глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы вновь обрести уверенность.

По всем признакам, внутри дома тоже должны были царить запустение и беспорядок, но в гостиной Леся увидела белоснежные бархатные диваны, кресла цвета слоновой кости, овальные, прямоугольные, круглые зеркала, пять картин в тяжелых узорчатых рамах, светлую массивную четырехдверную тумбу, заставленную подсвечниками и всевозможными статуэтками, круглый стол и стулья – тоже из светлого дерева. Паркет блестел, точно его покрыли лаком совсем недавно, полосатые серо-коричневые шторы, собранные в замысловатые складки, спустились до пола и частично скрадывали свет, люстра поражала размерами и избытком золотых деталей. Ни пылинки, ни соринки. Резиденция короля, да и только.

«Ничего себе...» – Леся еще раз обвела гостиную цепким взглядом и потянулась к картинам, захотелось узнать хоть что-нибудь о пристрастиях Василия Петровича. Несоответствие внешнего и внутреннего обликов дома изумило до дрожи в груди.

– Пойдемте, ваша комната – за кухней, – вмешался в планы водитель и направился в противоположную от лестницы сторону.

Разочарованно закусив губу, оглядываясь, Леся зашагала к арочной двери, отделанной тонкими металлическими полосками и мозаикой из разноцветного матового стекла. Но уже через несколько секунд гостиная была забыта – полутьма узкого мрачного коридора окружила со всех сторон, под ногами оказался шершавый каменный пол, в груди екнуло, заныло, а руки нетерпеливо потребовали карандаш и бумагу. Теперь Леся понимала, что внутри дом такой же непредсказуемый, необычный, как и снаружи: за спиной осталось богатое убранство, впереди маячила неизвестность.

«Я обещала тете Саше звонить почаще, но надо ли говорить ей правду?.. Вряд ли...»

Они очутились в одной из башен. Два поворота (в нос влетели запахи пряностей и свежее выпеченного хлеба), маленькие квадратные окна на уровне глаз, затем потянулись обшарпанные стены, и вот наконец водитель остановился, указал на самую обыкновенную дверь и безучастно произнес:

– Это ваша комната, устраивайтесь. Ужин принесут. Туалет – дальше по коридору.

– А-а... Василий Петрович...

– Он встретится с вами за завтраком.

Сказав это, мужчина поставил чемодан на пол, развернулся и бесшумно удалился. Леся расстегнула пуговицы пиджака и дала себе минуту на размышления.



Дядя не пожелал увидаться с ней сегодня, стоит ли этому удивляться?

Пожалуй, нет. Пришло время признать, что Василий Петрович действительно странный человек, и, скорее всего, его душа похожа на этот дом...

Леся кивнула, посмотрела под ноги на посеревший от времени ковер и прислушалась, но до нее не долетали ни шорохи, ни голоса, ни какие-либо другие звуки.

– Вот так, – тихо произнесла она, убрала волосы от лица и решительно зашла в комнату.

\* \* \*

«Бабка Лиза хоть и вредная, и любит иногда хорошенько приложить по макушке, но если сравнивать с моей теткой, то почти ангел!» После такой рекомендации словоохотливого Степы Глеб уже не мог поселиться у кого-нибудь другого. Долго ему торчать в Утятине или нет – не ясно, но сегодня он в любом случае не поедет в Москву. Накатался, хватит.

Бабка Лиза!

Почти ангел!

Как же он любит это многообещающее «почти»... Слово короткое, невесомое, но за ним тянется длинный шлейф шершавых поступков, которым так легко находить оправдания. Хотя стоит ли? Кому не нравится, тот пусть идет своей дорожкой, не оглядываясь, а то еще башку свернет ненароком или споткнется и – упс! Глеб не сдерживал улыбку, настроение у него было отличное, что неудивительно после двух тарелок щей и здорового куса ржаного хлеба.

– Коньяк, полагаю, спрашивать бесполезно? – откинувшись на спинку стула, вытянув ноги под столом, насмешливо спросил Глеб.

– Коли вылететь из избы не боишься, милочка, то спроси, – ласково ответила хозяйка, складывая полотенца ровной стопкой, и добавила: – Спроси, соколик.

– Но, надеюсь, самогон-то имеется, Елизавета Ильинична?

– Имеется. Вот только эта отравка в оговоренную сумму не входила.

Глеб от души расхохотался, размяк и неподвижно продолжил следить за ловкими движениями хозяйки. Образ рыжей девчонки отступил: зачем ломать голову, кто она и что придется делать дальше? Теперь они связаны накрепко, чуть позже тайное все равно станет явным. «Надеюсь, мои дорогие, работенка предстоит не пыльная. А то вдруг не справлюсь, оплошаю, что делать станете?.. Ладно, ладно, знаю, что обтяпать все побыстрее в моих интересах. – Глеб недовольно сморщился. – Торчать здесь долго я не собираюсь».

Побарабанив пальцами по столу, он посмотрел на круглый будильник, зажатый на полках буфета между большими фарфоровыми банками, на гжельские статуэтки, выстроенные по росту, на короткие цветастые шторы, не достигающие до узких подоконников сантиметров на пять, и отметил:

«А я, в общем-то, хорошо устроился».

Елизавета Ильинична ему понравилась сразу: маленькая, сухонькая, с морщинистым лицом, тонкими белыми руками, покрытыми пигментными пятнами, седая, но важная и гордая, точно королева перед подписанием судьбоносного указа. Можно не сомневаться: либо никогда не выходила замуж, либо похоронила мужа давным-давно. И книгу своей жизни на этом закрыла. Живет вроде и тихо, но вряд ли в деревне найдется человек, дворняга или кошка, не знающие, кто такая Елизавета Ильинична. Псы наверняка поджимают хвосты, увидев ее.

Глеб не стал проверять догадки – ни к чему: бабка Лиза, как звал ее Степа, имела право на любое прошлое и настоящее, так как была «почти ангел».

– А мне говорили, у вас тут своя достопримечательность имеется... – Глеб подпер щеку кулаком и приподнял брови. – Василий Петрович Дюков.

– Есть такой, – в ответ кивнула Елизавета Ильинична, не расщедрившись на эмоции.

– Свиристствует, людоедствует, дев юных похищает. Да?

– Тьфу на тебя.

– Понятно. – Глеб широко улыбнулся и прищурился. – А найти Дюкова где можно?

– Как выйдешь из избы, ступай налево, в замок его и упрешься. – Подхватив стопку белья, Елизавета Ильинична подошла к шкафу и оглянулась. – Только гостей Дюков не жалует. Гости вызывают у него острую трясучку и желчегонку. Сожрет тебя, подавится, так вам обоим и надо будет.

– До чего же вы конкретная женщина, Елизавета Ильинична, – медово произнес Глеб и посмотрел на нее с обожанием. – Поверьте, вас ждет место в раю.

– А это не тебе решать. Занимайся своими делами, а в мои носа не суй.

– Решать, конечно, не мне, но я просто знаю. – Глеб поднялся, отвесил игривый поклон и уже на ходу добавил: – Поверьте, Елизавета Ильинична, на Небесах ценят чувство юмора. Быть может, только оно до сих пор и спасает мою паленую шкуру.

Небрежно хлопнув дверью, Глеб вышел сначала во двор, затем на дорогу и, насвистывая, вразвалочку двинулся в указанную сторону.

Значит, Дюков не терпит гостей, но девчонка к нему приехала... Не прибил бы Василий Петрович малютку! А то еще спасать придется... И почему бабка Лиза назвала дом этого чокнутого замком?

Ответ на вопрос Глеб получил минут через пятнадцать, когда деревня осталась позади вместе с редкими соснами и елями, а перед глазами, окруженные вечерней полутьмой, появились очертания стен и крыши... Камень, доски, башни-пристройки, крутая лестница, поднимающаяся до балкона, крыльцо, дымоходные трубы...

Он уже видел этот дом.

Видел!

– Какого... – Но ругань прилипла к языку и медленно, обжигаяще поползла обратно в душу, старательно задевая по пути каждое ребро. Шумно втянув воздух в легкие, Глеб зло хлопнул ладонью по лбу и издал тихий, но весьма выразительный рык. Кажется, он совсем расслабился и превратился в законченного кретина, у которого вместо мозгов щи. Наваристые, но все же – щи! – Дурак... Какой же я дурак... Я же знал, что все не просто так...

Да, совсем недавно он был около дома Дюкова. И даже мысленно пробирался сквозь стены в коридоры и комнаты. Очнулся в лесу, прошагал километра три и наткнулся на эту Мечту Умалишенного Архитектора. Или как еще назвать «замок» чокнутого Василия Петровича? Помягче вряд ли получится, а покрепче... Так наверняка же опять начнет колоть в боку. Да, Небесная канцелярия?

Глеб отступил на шаг, проигнорировал гневную дрожь в позвонках, провел пятерней по волосам и почувствовал себя привычно-первоклассным охотником, каким он и был последние годы (не считая затяжных периодов, отягощенных алкоголем и однообразными отношениями с женщинами). Взгляд стал жестче и холоднее.

Нет... Нет... Тот дом был точно таким же, но... другим. Отражение в воде никогда стопроцентно не копирует действительность: рябь меняет линии, изгибы, детали, искажает, прикрывая неточности бликами и тиной. Сейчас Глеб видел перед собой именно такое отражение и вспоминал момент, когда прислонился к холодным стенам и получил желаемое. Каждый камень, каждая доска того дома были пропитаны гордыней, тщеславием, алчностью, непокорностью и прочими ядами, которыми он и сам частенько жонглировал, как ловкий циркач.

– Причем с удовольствием, – усмехнулся Глеб и заметил на крыльце рыжую девчонку. Все в тех же солдафонских ботинках, зеленых брюках, длинном коричневом свитере, коротком черном пиджаке, но уже без дурацкого чемодана. – Надо же, не сожрал тебя людоед Дюков. Родилась ты, видимо, крошка, под счастливой звездой. Решила прогуляться? Ладно, я с тобой.

\* \* \*

Комнату будто специально очень долго и планомерно пропитывали одиночеством. Леся не смогла бы объяснить или нарисовать свои впечатления. Острое желание передвинуть, изменить, перевернуть все вверх тормашками вызвало у нее сначала спазм протеста в животе, а затем улыбку.

– Похоже, я попала в странную сказку, – прошептала она, остановив взгляд на большущей кровати со старомодными перинами и многочисленными подушками. Нетрудно было представить, что под второй или третьей периной находится та самая горошина, на которой давным-давно отлежала бока изнеженная принцесса.

Кровать выделялась из общей обстановки, все остальное казалось жестким, серым, позабытым, заброшенным. На полках шкафа стояли мутные, запыленные хрустальные бокалы и две рамки без фотографий, книги лежали стопкой, тряпичная темно-зеленая люстра, украшенная бежевой бахромой, нависала над маленьким круглым столиком, застеленным серой скатертью. Это был иной мир – совсем не тот, что царил в гостиной, здесь обитало прошлое, но чье? «Непонятно». – Леся покачала головой, бесшумно вздохнула, постояла немного, а затем внесла чемодан в комнату, достала кожаный планшет, села на край кровати и принялась рисовать. Сейчас ее не заботили детали – наоборот, рука двигалась, опережая мысли. Карандаш летел по бумаге, оставляя короткие и длинные резкие штрихи.

Леся надеялась сгладить это неуютное ощущение в душе, отыскав разгадку комнаты не в реальности, а на рисунке: то, что не видят глаза, вполне может уловить чутье художника.

Через несколько минут, остановившись, чувствуя тонкую ноющую боль в пальцах, Леся посмотрела на рисунок. Мебель, окно, книги, почему-то кривой потолок, будто давит на него что-то с одной стороны, дощатый пол и... силуэт незнакомой девушки около круглого столика. Юной, красивой и, кажется, гордой... Неспроста же у нее вздернут подбородок. Кто знает, возможно, здесь действительно когда-то жила вот такая девушка. Много лет назад.

Леся положила планшет на покрывало и практически сразу услышала стук в дверь.

– Войдите, – произнесла она и, гадая, кто к ней пожаловал, поднялась.

– Добрый вечер. – В комнату бесшумно вплыла полная женщина в синей униформе и чудном белом чепце. Одной рукой она прижимала к пышной груди поднос с тарелками и чашкой, другой держала стеклянный кувшин, наполненный водой. – Ужин, – бесцветно произнесла женщина и принялась неторопливо, без лишних движений накрывать на стол.

– Добрый вечер, спасибо, – ответила Леся, сразу сообразив, что вопросы задавать бесполезно.

Голод мгновенно дал о себе знать: в животе заныло, запело на все лады, ароматы горячей еды влетели в нос и защекотали. Тушеные овощи, отварная говядина, большие куски черного хлеба, тонко нарезанный желтый и белый сыр, широкая чашка кипяточного чая вызвали у Леси довольный продолжительный вздох. Все же Василий Петрович думает о ней... Интересно, он в доме? Смотрел в окно, когда она приехала? В душе прозвучал утвердительный ответ, любопытство заерзло и замерло, приберегая силы на будущее.

Было бы здорово отправиться на экскурсию по этажам, коридорам и комнатам, осмотреть башни-пристройки, заглянуть в маленькие закутки, а таких наверняка много, и, пока никто не видит, изучить все, что только можно и... нельзя. Но увы, это под запретом.

Леся поела довольно быстро, разложила вещи на полках шкафа, отправила чемодан под кровать, пролистала книги и сделала два почетных круга по комнате. Больше всего ей хотелось уйти отсюда, чтобы не чувствовать тоски, пропитавшей хрустальные бокалы, рамки для фотографий, «Графиню де Монсоро» и даже подушки. Все слишком странное, не за что зацепиться, и не к чему привязаться.

– Но долг превыше всего, – тихо произнесла Леся и улыбнулась, вспоминая Александру Петровну.

А если отнести тарелки на кухню?

Знать бы еще, где эта кухня...

Хотя известно – поблизости.

Да, пойти как будто на кухню, но очень сильно ошибиться дверью и очутиться, например, в гостиной или в комнате Василия Петровича. «Ой, здравствуйте, дядя...» Улыбка стала шире. Леся тряхнула головой, убрала рыжие пряди за уши и приняла твердое решение прогуляться. Нет, не по дому, а по окрестностям. Они проезжали деревню, поле, березы и сосны, извилистую речку, холмы – пускай уже вечер, но можно присмотреть хорошее место и завтра отправиться рисовать. Да и разведка никогда не помешает, главное – запомнить дорогу назад.

Не желая ни с кем встречаться и отвечать на вопросы, Леся осторожно, бесшумно покинула дом, на минуту задержалась на крыльце, а затем направилась в сторону деревни. Она шла мимо заборов, яблонь, редких скамеек, облепихи, собак и кошек. Легкость чувствовалась в каждом шаге, и вовсе не хотелось оглядываться на странный замок Василия Петровича Дюкова.

С удовольствием вдыхая головокружительный воздух свободы, Леся бодро дошагала до конца деревни, свернула вправо и устремилась дальше. Ноги сами ступили на тропинку – широкая дорога осталась за спиной (ну и пусть), взгляд жадно фотографировал вечер, весну, природу, дорисовывал, докрашивал, увеличивал или уменьшал.

Впереди, среди деревьев, замаячил дом, и Леся пошла медленнее – деревня осталась позади, так кто же живет здесь?

Чем ближе она подходила, тем больше возрастало удивление и чаще билось сердце.

\* \* \*

– Да, крошка. – Глеб привалился плечом к дереву и скрестил руки на груди. – Они почти одинаковые. Как приятно, что не мне одному ломать голову над этой задачкой. Малышка (веришь?), я люблю тебя за это.

«Итак, подведем итоги. Есть деревня и два дома-близнеца, построенные слева и справа от нее. К одному дому меня ноги привели... вчера... Хм, случайность, конечно, исключаем. Что ж, похвально, все продумано до мелочей. А в другом живет девчонка, к которой я, собственно, и приставлен. Как же я сразу не узнал эту деревеньку?.. С другого края заходил... – Глеб усмехнулся и с иронией мысленно добавил: – В такие моменты я чувствую свое несовершенство».

Он бы расхохотался, громко, на весь лес, но девчонка не должна знать, что он рядом. Не время еще знакомиться.

Развернувшись, Глеб быстро зашагал к елям, не обращая внимания на хлесткие ветки кустов и деревьев. Теперь, когда картинка сложилась, он надеялся узнать главное... Хватит неизвестности, пора бы открыть карты.

«Я был терпелив, разве нет?»

Глеб двигался стремительно, как хищник, учуявший запах добычи, ведомый обострившимися инстинктами. Преодолев пару сотен метров, он остановился на круглом пятаке травы, задрал голову к небу и едко улыбнулся.

– Ну пора бы и поговорить. Зачем я здесь? Что от меня требуется? Нужно спасти девчонку от Дюкова? Эй!?

Вытерпев несколько секунд, крутанувшись, Глеб заметался на маленьком пространстве, пытаясь уловить невесомое, беззвучное «да» или «нет». Пахнуло холодом, а это означало: ошибся.

– Ладно, пойдем другим путем... Она перепутала и въехала не в те хоромы? Вляпалась в историю с наследством? Ее хотят обмануть? Ей угрожает опасность? Какая? А-а-а... Да устал я уже гадать! Кому эта девчонка вообще нужна?! Плоская и мелкая! Может, мне ее пристроить в хорошие руки, и дело с концом? А? – Глеб хохотнул, довольный шуткой, и... почувствовал тепло в груди. – Что? – Он напрягся, не сразу сообразив, на какой вопрос получил ответ, а осознав это, с недоумением добавил: – Не понял... я мужика, что ли, ей должен найти? Принца на белом коне?

Тепло усилилось, обожгло и пошло на убыль. Глеб замер, а затем вновь поднял голову к небу, но теперь медленно, точно позвоночник проржавел, а мышцы превратились в тугую непослушную резину.

– Да вы чего?.. Хорош шутить! Я не собираюсь бегать по деревне и искать ей суженого-ряженого! Мы так не договаривались! Да плевать я хотел на эту девчонку! Нет. Я сказал – нет! – Лицо Глеба побагровело, глаза сузились, на висках выступили капли пота. – Нет... Только не делайте из меня гребаного Амура! Все что угодно, только не это!

Он знал, конечно, знал, что его пребывание здесь является наказанием. А разве наказание бывает приятным?

## Глава 4

Кирилл не любил долгие сборы. Обычно отправлял в черную кожаную сумку-саквояж всю мелочовку, что попадалась под руку, прихватывал из шкафа одежду прямо с вешалками и покидал квартиру в приподнятом настроении. Машины для того и существуют, чтобы перевозить нужное и ненужное.

«Хорошо бы, муж Евы заболел ветрянкой или подцепил какой-нибудь лишай от своей любимой собачонки и не приехал. Да, было бы здорово».

Кирилл никогда не задавался вопросом, зачем его сестра вышла замуж за этого бледного вампира. Все ясно и так. Во-первых, настояла мать. Во-вторых, Юрий Григорьевич Алпатов до неприличия богат. А в-третьих... Нет, пожалуй, все. Этого Еве оказалось достаточно, чтобы, хорошенько отрепетировав, потупить взор и скромно произнести «да».

«Интересно, у Евы есть любовник? Надеюсь. Невозможно представить, что однажды она захочет родить от Алпатова. А ей уже тридцать лет, между прочим».

Кирилл хлопнул дверцей машины и включил музыку. Глупый брак, устроенный матерью. Какой в нем толк? Ева бы и так хорошо одевалась, жила обеспеченно и, возможно, радовалась бы жизни. Он вспомнил, какой увидел сестру под Новый год, и многозначительно приподнял брови. Еву вполне можно было назвать красивой молодой женщиной... Замороженной и скупающей.

«Какое счастье, что я родился мужчиной. – Кирилл коротко улыбнулся. – И никто не навязывает мне брака...»

Он кривил душой, но старался не обращать на это внимания. Старший сын, любимчик – разве мать примет спокойно любую невестку? О нет. Да и попытки подобрать ему достойную пару были, но давно. Например, дочь банкира – словоохотливая девушка двадцати лет, легкая, веселая, уверенная в себе. Она выгибала спину при разговоре, оттопыривала мизинец, поднося чашку к губам, звонко смеялась и честно призналась, что совершенно не интересуется политикой, но ее занимают киноискусство и путешествия.

«Мама, с одной стороны, ты не можешь представить рядом со мной заурядную женщину, а с другой, тебе тяжело принять в семью уверенную и самодостаточную красавицу. У нее же будет *свое мнение*. На все».

Замкнутый круг.

Вот его и оставили в покое: мол, посмотрим, кого приведет. У любимчиков свои жизненные плюсы, и нужно уметь ими пользоваться.

Но Егору повезло еще больше: он – младший, и как-то так получилось, что ставку на него никто не делает. От него не ждут слишком многого, позволяют жить так, как вздумается, а впрочем... иначе и не получилось бы. Егор – сам по себе, и, пожалуй, его можно назвать малообщительным.

Кирилл посмотрел на часы и удовлетворенно кивнул. К завтраку он успевает – значит, мать будет довольна: не каждый сын встает в шесть утра, садится в машину и тащится в Утятино, чтобы съесть со своей родительницей омерзительную овсянку и тост с джемом.

«Егор в лучшем случае появится к обеду».

Мысли Кирилла вновь потекли в сторону младшего брата. Создает же природа таких разных людей в одной семье... Один любит иномарки, пиджаки, белые рубашки, увлечен семейным бизнесом и не мыслит жизни без женщин, а другой предпочитает джинсы, спортивные штаны, футболки, черные водолазки, чаще молчит, чем говорит, и при этом как-то умудряется заниматься рекламой. Абсурд! Егор и женщины? Интересно, это совместимо? Да, его брат с кем-то встречался, и дело чуть не дошло до свадьбы, но потом все рухнуло по неизвестной причине. Однако это было лет пять назад, и с тех пор тишина.



«Мама, внуков ты дождешься не скоро, – пролетела следующая мысль, и Кирилл широко улыбнулся, представляя великолепную Зофию Дмитриевну Кравчик в окружении маленьких пухленьких детишек, перепачканных все той же полезной овсянкой, размазывающих кашу по дивану или креслу. – Пожалуй, мама, это еще один вопрос: готова ли ты к внукам?»

Кирилл понимал, что в его-то годы – тридцать четыре с хвостиком – уже пора обзавестись женой и хотя бы одним ребенком, но что делать, если еще не нагулялся? Интересно, как это, когда ты вдруг осознаешь, что готов сделать предложение руки и сердца? Где, на какой планете живут женщины, в которых сначала влюбляешься, потом по ним тоскуешь (элементарно гибнешь!), а затем идешь и покупаешь кольцо? Две недели назад он расстался с Никой, но душа не болит, не ноет, не требует набрать номер, чтобы легко и непринужденно сказать: «Привет, как дела, я соскучился».

Кирилл и не помнил, когда последний раз его бросали, может, лет пятнадцать назад? Заключительные слова всегда принадлежат ему. Все просто: мир неожиданно тускнеет, становится скучно, включаются внешние и внутренние раздражители, а затем вылетает привычное: «Нам пора расстаться, мы не очень подходим друг другу». Или нечто подобное. Дальше следуют истерики, уговоры, телефонные звонки, «случайные» встречи у общих друзей и прочая ерунда. Но что делать, если нет любви и не щелкает в нем эта волшебная кнопка? Тащить отношения дальше? И сколько километров? А главное – кому это нужно?

«Женщин много – я один». – Кирилл засмеялся и прибавил скорость. До Утятина осталось приблизительно полчаса, нужно подготовиться к тому, что мать спросит про Нику, многозначительно подожмет губы, мол, когда же ты остепенишься, и потребует детальный отчет о работе. Она будет внимательно слушать, сдержанно улыбаться и бесконечно гордиться им. Да, он – старший сын, надежда и опора... «Смешно». – Кирилл с улыбкой покачал головой, гоня прочь бремя ответственности, припомнил, как давным-давно впервые перешагнул порог кабинета генерального директора, сел за широкий полированный стол, выдвинул первый попавшийся ящик и подумал: «Я похож на отца, а значит, смогу». Прошли годы, и уверенность превратилась в реальность.

Кирилл действительно смог, хотя изначально опыта было маловато: не успел отец научить его всему (инфаркт не имеет привычки предупреждать о своем визите...). Дули ветра, трудности валились снегопадом, особенно первое время, но потом в работе и в нем самом появились лоск и шик, Кирилл уже не терзался сомнениями, когда принимал решения, знал, как поступить. И это все, а также высокий рост, черные волосы, темные глаза, прямой нос, квадратный подбородок и голливудская улыбка, его спортивная, подтянутая фигура притягивали женщин магнитом. Выбирал всегда он.

«В Утятине нет женщин, – усмехнулся Кирилл, сворачивая к дому, в котором провел большую часть детства. Дом, частично каменный, частично дощатый, с широкими башнями-пристройками, узкой лестницей, выглядывающей из за угла и устремляющейся к массивному балкону... – В Утятине нет *красивых* женщин, – поправил себя Кирилл, выходя из машины. – И хорошо. Отдохну».

\* \* \*

О первой встрече тетя Саша станет расспрашивать в мельчайших подробностях – торопливо, опережая ответы на вопросы. «Как выглядел Василий Петрович? Здоров ли? Ты не забыла отдать ему шарф? А поблагодарила за то, что он содержал тебя столько лет? И какое произвел впечатление он?! Надеюсь, ты вела себя правильно». Возможно, предложения будут более длинными и витиеватыми: тетя Саша всегда старается охватить сразу побольше странствия и предусмотреть мелочи и детали. Василий Петрович Дюков – загадка для всех родственников, так уж случилось.

Направляясь в столовую, Леся чувствовала холодок в животе – легкий, почти неосязаемый. Аппетит отсутствовал полностью, но шаг против воли ускорялся, частил, и приходилось притормаживать, чтобы случайно не наступить на пятки женщине в униформе. «Тетя Саша, скоро я смогу ответить на ваши вопросы. И на свои тоже. Торжественно обещаю *вести себя хорошо*». Улыбка, и вновь спокойное выражение лица.

Леся уже не гадала, как выглядит дядя, – наоборот, она быстро прогнала остатки фантазий и приготовилась ко встрече с реальностью. Ничто не должно повлиять на первое впечатление, иначе получится неправильно, как в кривом зеркале. Доля истины всегда доступна, нужно изловчиться и обязательно ухватить ее, чтобы позже хорошенько рассмотреть.

«Интересно, Василий Петрович сейчас волнуется?»

В правой руке Леся держала шарф, и он казался тяжелой пятикилограммовой ношей, сотканной из обязательств, любезностей, требований и правил хорошего тона.

«Отдать бы его быстро, не привлекая особого внимания... Но это вряд ли получится: блестящая упаковка сверкает так, что практически освещает путь».

В центре просторной столовой, оформленной в желто-песочных тонах, располагался длинный прямоугольный стол, во главе которого восседал Василий Петрович Дюков. Он вовсе не собирался дожидаться гостю, ел с аппетитом и явно ни о чем не беспокоился. Вытянутое лицо, большие залысины, длинные редкие волосы (седые и темно-русые вперемешку), крупный нос, эспаньолка. Леся не обнаружила внешнего сходства ни с одним из родственников – Василий Петрович походил на богатого отшельника, абсолютно довольного жизнью.

«Здравствуйте...» Не в силах оторвать взгляд от живописной картины, Леся остановилась около лакированного буфета и замерла.

Василий Петрович сидел в объемном халате – бархатном, с навязчивым леопардовым рисунком. Халат скрадывал недостатки полноватой фигуры, но был слишком пестрым. Широкие манжеты явно мешали есть оранжевого лобстера (Леся решила, что это лобстер, как-то видела такого «зверя» в кино), но на помеху Василий Петрович не обращал никакого внимания. Перед ним стояла пиала (он опустил в нее правую руку, поболтал пальцами, сморщил нос) и три одинаковых узких стакана: с апельсиновым соком, с томатным и с водой. Дюков торопливо ел, роняя капли на стол, и некоторое время не замечал Лесю, затем поднял голову, взял тряпичную салфетку, вытер руки, резко отшвырнул ее на край стола и удовлетворенно произнес:

– Рыжая.

Будто это и являлось главным достоинством Леси, и если бы волосы вдруг оказались черными или русыми, то разочарование обязательно бы постигло Василия Петровича. Дюков бы закручинился и хуже того – впал в продолжительную депрессию без конца и края. Леся представила дядю в печали, но образ дрогнул и расплылся. Нет... Василий Петрович куда лучше рисовался в состоянии раздражения и крайнего недовольства. Вот она, истина! Чуть-чуть, но все же... Однако ему действительно было важно, какого цвета у нее волосы.

Василий Петрович кивнул на противоположную сторону стола, где находился еще один стул, и, поглядывая на Лесю, продолжил завтракать. Только теперь его брови походили на крыши домиков, на лбу появились неглубокие морщины, глаза засияли, точно лобстер стал вкуснее раза в два или в три. Улыбка то вспыхивала, то гасла на блестящих губах.

Леся попыталась уловить первое впечатление от знакомства и поняла, что в этом тяжелом случае рано торопиться с выводами. Никакие характеристики к Василию Петровичу категорически не прилипали – они летели в его сторону, касались леопардового халата и, как осенние листья, падали на шершавую коричневую плитку пола. Точно пока можно было сказать одно – дядя не являлся заурядным человеком.

«Он еще что-нибудь скажет?»

Василий Петрович плохо пережевывал пищу, делал большие торопливые глотки, думал о чем-то своем и вовсе не нуждался в продолжении разговора. Видимо, гостеприимство он считал сущей ерундой и прохладно относился к формальностям.

– Доброе утро, – произнесла Леся, подошла к столу, села напротив дяди и, словно по мановению волшебной палочки, перед ней появились огромная тарелка с лобстером (как его есть?), пиала с водой и такой же набор напитков. Василий Петрович находился далековато, но наблюдательность устранила этот минус. Его черты стали четче, воображение мгновенно раскрасило в коричневый цвет эспаньолку и стерло мешки под глазами. Не-е-ет, Дюков не старый.

– Да, это утро – доброе, – согласился Василий Петрович, кивнул и протянул руку к томатному соку.

– Подарок. Вам, – коротко ответила Леся и положила блестящий сверток на угол стола.

– Твоя тетка постаралась? Ха! А где же благодарность за содержание? Застряла в пути? – Василий Петрович закинул голову назад и раскатисто расхохотался. Смех наполнил столовую до каждого миллиметра: звякнул о бокалы, качнул люстру, встревожил шторы, а затем оборвался и превратился в неоднократное хмыканье и протяжное «у-у-у». – Разве твоя разлюбленная тетка не велела благодарить меня за каждый день, месяц и год твоей жизни? Каких еще глупостей она наговорила, благословляя тебя на дальнюю дорогу?

– Спасибо...

– Брось, кому это нужно? Надеюсь, ты не такая зануда, как Сашка! Удивляюсь, что она вообще умудрилась выйти замуж, и уж совсем не удивляюсь тому, что ее муж помер.

Наверное, Лесе следовало заступиться за тетю, но она затаилась, стараясь уловить как можно больше информации о дяде. Он не производил впечатления человека, скучающего хоть по каким-нибудь родственникам. Так почему же она здесь? А еще очень хотелось задать вопрос про дом... Не про этот – другой. Отчего они так похожи, кто там живет? Однако своему времени, не стоит торопиться...

– И все же спасибо.

– Пожалуйста, если ты не можешь без этих глупостей!

Леся отметила, что чувствует себя свободно и спокойно, нет преград, колени не дрожат, волнение не бьется в груди испуганной птицей. Еще бы знать, как есть лобстера... Наверняка имеются определенные правила, но, с другой стороны, действия Василия Петровича опровергают все: он завтракает жадно, спешно, как ему вздумается.

– Нельзя благодарность называть глупостью, – услышала Леся свой голос. Легкая, едва ощутимая волна удовольствия скользнула по душе, оставляя теплый след. Слова прозвучали. Будто нога ступила на правильную дорогу, и теперь главное – не сворачивать. «Оставайся собой», – шепнул внутренний голос.

– Глупостью является абсолютно все в этом мире. Но ты еще слишком маленькая, чтобы понять. Впрочем, не в моих интересах разубеждать тебя. – Василий Петрович залпом допил томатный сок, откинулся на спинку стула и положил руки на стол ладонями вниз. Теперь он производил впечатление разморенного, обьевавшегося и миролюбивого человека, но следующие ледяные фразы мгновенно разрушили сложившийся образ. – Борись, всегда. Воюй за свои интересы, даже если ты не права, даже если все летит в тартарары! И причиняй боль тем, кто посмел тебя обидеть. – Дюков побарабанил пальцами по столу. – Видишь, знакомство со мной явно на пользу, безусловно, ты уже узнала много нового. Тетка же тебя учила совсем другому, правда? – Выдержав многозначительную паузу, Василий Петрович повторно расхохотался.

– Я не согласна с вами, – тихо сказала Леся, но слова раздались так, точно их произнесли с трибуны для огромной аудитории.

– Что?

– Я не согласна с вами.

– О!.. Господи, да ты породил на свет ту, что смеет быть со мной не согласной... – На губах Василия Петровича заиграла едкая насмешка. – Пусть так, пусть так... – Его голос превратился в шепот и оборвался, а затем неожиданно взвился к потолку: – Ешь! Тебе нужно хорошо есть! И, черт побери, это вкусно!

Леся взяла листик салата, медленно поднесла к губам и, глядя в глаза Дюкову, принялась жевать. Нет, вопросов не стало меньше – они прибавились, умножились и раздвоились. «Тетя Саша, я никак не могу понять, все хуже, чем вы думаете, или лучше?..»

– Почему вы пригласили меня? – спросила Леся, решив начать с главного.

– Хотел проверить, удачно ли вложил деньги. В тебя, – явно стараясь смутить, ответил Василий Петрович.

– И как?

– Время покажет. От тебя ничего не требуется, просто живи здесь, обязательно ходи на прогулки – свежий воздух полезен... – В глазах Дюкова вспыхнул дьявольский огонь, и вновь раздалась барабанная дробь по столу. Василий Петрович собирался сказать что-то еще на эту тему, но остановился. – Вот и все. Да, да, вот и все. Будешь со мной завтракать, обедать, ужинать, иногда общаться. Вроде не трудно, а? Пожалей одинокого старика, скрась его пустую жалкую жизнь...

Леся не сомневалась: Василий Петрович сдерживает третий приступ хохота, но это ее ничуть не расстроило. Она даже уловила радость в душе и жгучее нетерпение. Отчего? Необъяснимо... Но, кажется, только что ей бросили вызов, и отступить нельзя.

– А можно на завтрак есть кашу? – ровно спросила Леся, не сомневаясь, что и в ее глазах сейчас тоже пылает огонь. – Тетя Саша говорила, что овсянка улучшает пищеварение.

А я очень забочусь о своем... пищеварении.

Брови Дюкова поднялись, губы дрогнули, довольная продолжительная улыбка озарила лицо.

– Рыжая, – повторил он и кивнул своим мыслям.

## Глава 5

Он всегда видел мать восхитительно царственной, спокойной, уверенной, без единого изъяна в одежде или макияже. Зофия Дмитриевна Кравчик неизменно выглядела так, будто через пять минут начнется званный вечер и осталось лишь вдохнуть, выдохнуть и распахнуть для гостей тяжелые дубовые двери. Черное платье до пола, облегающее стройную, подтянутую фигуру, тонкое ожерелье, сверкающее бриллиантами, серьги-нити, усыпанные мелкими камушками, светлые волосы, собранные на затылке, ухоженные руки, туфли – обязательно на высоком каблуке.

Каждый штрих на своем месте.

И никаких поблажек возрасту.

Почти пятьдесят пять лет...

Да никто никогда не даст и к тому же не осмелится произнести эту цифру вслух!

– Здравствуй, мама, – весело пропел Кирилл, щедро улыбаясь. – Надеюсь, ничего не изменилось, и ты по-прежнему будешь мучить меня овсянкой.

– Рада тебя видеть, дорогой. – Зофия Дмитриевна сделала два шага и остановилась. Нет, не она должна идти навстречу сыну, ее дело стоять и горделиво ожидать, когда он подойдет, кратко поцелует в щеку и произнесет искренний комплимент. Два шага – позволительный максимум. – Но на этот раз тебя опередили.

– Кто посмел?

– Вчера приехали Ева с Юрием.

Кирилл скривился, затем подошел к матери, поцеловал в щеку и произнес с подчеркнутой иронией:

– Значит, муж моей обожаемой сестры не подцепил какую-нибудь заразу и не слег недельки на три в своем пятимерном особняке. Где справедливость, мама?

Зофия Дмитриевна приподняла правую бровь, что означало «воздержись от подобных шуток», и покачала головой. Для нее не являлось секретом, какие отношения царят в семье, дети давно вылетели из родного гнезда, но... все под контролем. Конечно, Кирилл недолюбливает Юрия и еще раз сто выдаст в его сторону подобную шутку, однако поощрять это нельзя.

– Ты хочешь меня расстроить?

– Как можно, мама, – укоризненно ответил Кирилл и развел руками, демонстрируя абсолютную безоружность, готовность к послушанию двадцать четыре часа в сутки и безоговорочную покорность судьбе. – Ты прекрасна. Прости, что не сказал сразу.

– Лесть тебе не к лицу. – Зофия Дмитриевна сдержанно улыбнулась, с удовольствием принимая слова сына. Коснувшись высокой спинки бархатного кресла, она немного помолчала и добавила: – Я скучала. Добро пожаловать домой.

– Ты же знаешь, лесть здесь совершенно ни при чем. Правда. Только истинная правда. – Кирилл приложил руку к груди и театрально поклонился, доигрывая партию «Королева и наследный принц» до конца.

– Добро пожаловать домой, – тише повторила Зофия Дмитриевна.

Напольные часы заполнили гостиную традиционным ежечасным «дон-дон-дон» – приглушенный звук, прорывающийся на свободу сквозь узорчатый замок и помутневшие от времени стеклянные дверцы. Кирилл кивнул, ответно улыбнулся и устремился по лестнице вверх, привычно перешагивая через ступеньку. А когда-то он ползал по этим коврам и паркету на четвереньках и затрачивал немало усилий, стараясь подняться на второй этаж – детство, счастливое беззаботное детство... Нет, он вовсе не скучает по тем дням, нынешняя жизнь кажется гораздо интереснее. Одни женщины чего стоят! Усмехнувшись, Кирилл переступил порог своей комнаты, остановился и сунул руки в карманы брюк. Его вещи принесут, благо помощ-

ников хоть отбавляй. А еще пару дней назад в доме наверняка было тихо, мать зажигала свечи и ходила по комнатам, получая удовольствие от одиночества. Все правила, привычки, традиции известны до мелочей, собственно, на них держалось, держится и будет держаться семейное гнездо Кравчиков. А иначе никак.

После смерти отца жизнь круто изменилась. Казалось, богатая обстановка: золоченые ручки, хрустальные люстры, вытянутые сверкающие вазы, огромные зеркала, картинные рамы, начищенные до блеска полы, фарфоровая посуда – все разом потускнело, перестало играть под солнечными бликами и освещением. Мать заперлась в своей комнате и принимала только прислугу с водой и тостом. Кирилл занимался похоронами, Ева то рыдала, то висела на телефоне, Егор в основном подпирал стены и о чем-то думал. Жизнь застопорилась, почти замерла, покрылась первым налетом пыли, и нестерпимо захотелось куда-нибудь уехать или что-нибудь разбить. Однако ситуация изменилась вмиг – одним прекрасным днем Зофия Дмитриевна Кравчик распахнула дверь и, по-прежнему безупречная, спустилась в столовую. Бриллианты сияли, платье открывало шею и плечи, высокие каблуки то постукивали о паркет, то замолкали, коснувшись узоров ковра. Царственная походка и обжигающий взгляд карих глаз. «Почему до сих пор не готов завтрак! Откройте окна, кому нужна эта духота!» – понеслось от стены к стене, и буквально через минуту зазвучали торопливые шаги, захлопали дверцы шкафов, застучали по столам тарелки, утренняя прохлада качнула шторы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.